

ВИКТОР ГАЛДАНОВ

«ДЖАМП»

ЗНАЧИТ

«ПРЫГАЙ!»

Виктор Галданов

«Джамп» значит «Прыгай!»

«Остеон-Групп»

Галданов В.

«Джамп» значит «Прыгай!» / В. Галданов — «Остеон-Групп» ,

Продолжение невероятных похождений Валерия Барского в обстановке преддверия «суверенного дефолта», который Россия объявила на излёте правления Ельцина. В околопрезидентском окружении зреет заговор тех кто полагают себя «истинными патриотами России» против тех, кто планирует сменить его на более удобного и более авторитетного президента. Выбор падает на криминального авторитета, с которым читатель вскоре познакомится. А пока суперагент Барский получает категоричное задание: максимально бескровно и безболезненно смягчить слагающуюся ситуацию. Что он и старается выполнить с максимально доступными ему тактом и деликатностью...

Содержание

Абельмановская застава. Москва, Россия. 10 августа 199... года. 5:23	6
8:47	8
Садовое кольцо. 7:42	10
Мясницкая улица. 19 июня 199... года. 12:09	14
День спустя	28
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Виктор Галданов

«Джамп» значит «Прыгай!»

Все события, о которых рассказывается в этой книге, полностью вымышлены, имена героев взяты произвольно, а всякое совпадение может быть лишь случайным.

Абельмановская застава. Москва, Россия. 10 августа 199... года. 5:23

Перезвон трамваев на Рогожке разбудил Валерия Барского. Наверное, опять пробка подумал он. И как ей не быть, с одной стороны ползут фуры с Волгоградского и Рязанского проспектов, с другой – грузовики с шоссе Энтузиастов, и эта артерия, соединяющая три крупнейших транспортных магистрали вечно переполнена. А тут еще и трамваи... Однако все эти соображения спросонок вскоре были вытеснены осознанием того, что звонки слишком уж длительны и настойчивы для трамвайных. Стало быть, кто-то с утра пробивается. Непорядок.

Он взял трубку телефона.

– Валерк, ты? – он сразу узнал голос коллеги Мишки Цыпкина.

– Ну, – буркнул он в трубку.

– Чэпэ у нас.

– Ну ясно, по хорошему поводу ты не позвонишь.

– Юрка Кокорев сыпанулся.

– Да ты что?

– И к тому же со скандалом. Подробности, как говорится, письмом. То бишь, в газетах. Судя по всему, «Таймс» сегодня выйдет с передовицей, и с Юркиной физиией на полполосы.

– На чем сыпанулся-то, не говорят?

– Точно не знаю, но, опыт подсказывает, по идее, на бабе...

Мимо жена прошлепала босыми ногами в туалет. Затем обратно.

– ...а эта Джейн ему жучка в багажник подбросила, он с ним и ездил на встречу...

– Ладно. Встретимся на работе, поговорим.

– Думается, наш Жоффрей сегодня будет рвать и метать.

Из детской раздался рев. Маришка отчаянно не хотела идти в садик.

– Должность у него такая.

Барский повесил трубку и проследовал на балкон. Рогожка была до отказа забита транспортом, в трели трамвайных звонков вплетались сигналы машин. Морозец мигом охватил его снаружи, при первом же вздохе забрался и внутрь. Сделав несколько дыхательных упражнений, он начал плавные движения китайского гимнастического комплекса. Снаружи это, наверно смотрелось несколько комично. Барскому было за сорок, сидячий образ жизни и любовь к хорошей кухне при высоком росте породили кеглеобразную фигуру с объемистым брюшком, сбросить которое не могли никакие тренажеры, и круглой физиономией, на которой выделялись живые синие, чуть навывкате глаза. Короткая стрижка «ежилом» довершала картину.

– Папа, а можно и я с тобой? – на балкон высунулась конопатая Вовкина рожица.

– Давай-давай, вперед! – усмехнулся Валерий.

С криком «иии-йй-яяя» его восьмилетний сынишка выпрыгнул на балкон и встал в каратэистскую стойку. Однако первая же его атака едва не закончилась печально для солений, которыми был уставлен угол балкона. Выскочив на балкон, жена загнала мальчишку в комнату, досталось и отцу.

Стоя в ванной, он сосредоточенно скоблил физиономию «шиком», безрадостно размышляя о том, что пятый десяток лет в его жизни продолжается не лучше, чем все предыдущие. Правда, сейчас он как никогда близок к смене работы. И все шло к тому, что не он ее поменяет, а она его. До сих пор все в его жизни складывалось так, что не столько он стремился к своей должности, сколько она к нему. Должность выбрала его на заводе, куда его сопливым пацаненком привел отец – немного повкалывал, а там армия, и спецвойска. При дембеле произошла беседа с замполитом – и соответствующее предложение – получить высшее образова-

ние. Затем должность избрала его на работу в органы и как-то так само собой получилось, что в это время происходил набор в Высшую школу. Все в его жизни шло по накатанной колее. До последнего момента она была относительно предсказуемой, и вдруг... Эта проклятая Работа, та самая, на которой становятся трудоголиками, она подчиняла людей себе, заставляла просиживать ночами в душных тихих кабинетах, до хрипоты накуриваться «явой» – она, бывшая единственной отдушиной в беспросветной этой жизни, неожиданно стала показывать характер. Сначала вообще возникли сомнения в ее целесообразности. Затем Работа внезапно стала избавляться от многих его друзей и соратников, и таких, на которых все-то и держалось в этой Работе. Затем вопросы о собственной нужности стали закрадываться и в его собственную круглую, коротко стриженную голову. Ну ладно, он-то старый служака, давно попривык, но когда на той неделе, на двадцатилетнем юбилее Шурка, родная жена, вдруг напилась вдрызг и при всех закатила ему скандал... Впрочем, и ее можно понять – сколько еще годков ей осталось молодиться да хорошиться? Да и много ли счастья видела она за эти годы?

Только недавно в жизни Барского закончился длительный период его близости с очаровательной женщиной – хозяйкой ресторана. Ее родная сестрица исключительно ловко воспользовалась им для устройства своих личных дел. В итоге девушки переселились – одна в Индонезию, другая в Штаты, несколько авторитетов криминального мира перекочевали в Бутырскую тюрьму, некоего инженера из столицы перевели в Сибирь, а Барский вернулся в свою семью – и приняли его так, словно он никогда из нее и не уходил.

Ожесточенно расчесав начавшие редеть волосы, Барский смочил их лосьоном и крикнул жене:

– Шур, я пошел заводить машину, спускай спиногрызов.

8:47

Роскошный черный «мерседес-600» проехал по Новому Арбату, свернул к Белому дому. Сопровождали машину приземистый белый милицейский «шевроле» с мигалкой, позади вплотную держался джип «ГМС-блейзер» с четырьмя ребятами в черной коже с помповыми ружьями и автоматами. Регулировщик движения на площади при виде этой кавалькады откозырял, хотя его никто об этом не просил. И человек, сидящий на заднем сиденье «мерседеса» слегка наклонил голову, хотя этого движения никто не мог видеть.

Однако толпа людей, загородившая подходы к центральному подъезду заволновалась. Стоявшая по периметру пикетчиков охрана крепче взялась за автоматы.

У служебного подъезда автомобиль затормозил. Некоторое время из него никто не выходил, пока выскочивший из машины охранник не открыл заднюю дверцу. Тогда же четверо из джипа выбрались наружу, образовав живой коридор. Лишь после этого из машины вышел худощавый брюнет лет сорока с красным румяным лицом и голубыми глазами. Одет он был в черное кашемировое пальто, на шее повязан белоснежный шарф тончайшей шерсти.

И тут же толпа разразилась свистом и улюлюканьем, об асфальт неистово застучали каски.

– Сво-лочь! Сво-лочь! Вер-ни день-ги! – скандировали пикетчики.

Наблюдавший за всей этой картиной из окна второго этажа правого крыла здания блондин с растрепанными волосами скрипнул зубами и произнес одно слово:

– Kurva!

Лично он, Ингмар Берзиньш, занимая он место третьего (а фактически второго) лица в государстве, и уворуй он у народа столько денег, просто постеснялся бы показывать на люди свою физиономию. Удрал бы на Багамские острова, или отсиживался бы на побережье Каса-бланки, или в альпийской деревушке посасывал бы пиво в компании с немецкими студентками, сменив и имя, и фамилию и национальность – когда денег такое количество, можно сменить не только это, но и пол, и возраст, и даже цвет кожи.

И уж он-то никогда не ездил бы в таких длинных черных лимузинах в сопровождении такого количества вооруженных балбесов. Нет, он раскатывал бы по городу в красном сигарообразном «альфа-ромео», в спортивном костюме и лыжной шапочке с помпоном. Сколько он себя помнил, Берзиньш любил перемены. Командировки, пикники, новые обои, новые женщины, новые рестораны – все это было в той, другой жизни. Та жизнь была создана такими, как он, для таких же, как он. Простой трудовой народ в этой жизни тоже присутствовал, но в основном в качестве фона, этаким бурлящей приветственными красными флагами массы, дружно аплодирующей тем, кто стоял на трибунах. Но когда в мире начались настоящие перемены, выяснилось, что по натуре Берзиньш глубокий консерватор. Но его мнения никто не спрашивал, а когда спросили, то вопросы оказались настолько неудобными и каверзными, что Берзиньшу пришлось в спешном порядке покинуть родную Латвию, которая наконец-то стала свободной, но не для него. Для него она грозила стать тюрьмой – на очень и очень долгие годы.

Хотя, в общем-то он и здесь неплохо устроился. Он всегда как-то устраивался. Однако ежеутренне встречать этого надменного типа в карденовском костюме с иголки, принимать от него шляпу, в которую он однообразными движениями бросает белые перчатки, терпеть его шуточки и...

Ровно в девять часов утра вице-премьер по вопросам финансов и экономики Игорь Корсовский был на рабочем месте. Берзиньш принял от него шляпу и перчатки, повесил в уголок и проводил его в кабинет.

– Утренняя почта, – произнес он спустя десять минут, стоя в дверях, в которые предварительно почтительно трижды стукнул костяшками пальцев. Совершенно бессмысленный

обряд, который он наблюдает в этих стенах уже почти девять месяцев. И каждое утро хозяин кабинета поднимает нос от страниц свежего «Коммерсанта» и произносит одну и ту же фразу:

– Тащи ее, подлюю, сюда!

Садовое кольцо. 7:42

– Та-та! – сигналили легковушки, «жигулята», «опели» и «тойоты». – Ту-ру-ру! – подхватывала двадцатиметровая фура-рефрижератор с надписью «Шмитц» через весь прицеп. – Уууу-ау! – осаживала их сирена гаишного белоснежного красавца «форда», выползшего на обочину. Гаишники сложа руки стояли поодаль, индифферентно разглядывая пробку, растянувшуюся по Садовому кольцу.

Маришка с увлечением корчила рожицы афганской борзой, которая встревоженно глазела на нее из окна соседского «фиата». Вовка тараторил вовсю, что-то о том, что он поспорил, что быстрее: «ламборджини» или машины «Формулы-1». Барский же, скрипя зубами, продумывал маневр, который позволит ему юркнуть влево и попытаться, повиляв среди дворики, проскочить к маришкиному детскому садику.

– А я и говорю, пап, ведь на плакате у «ламборджини» триста написано. Чего триста?

– Да подожди ты! – заорал Барский водителю фуры. – Осади назад! – и принялся выкручивать руль.

В этот момент мимо промчалась угольно-черная приземистая сигарообразная машина с затемненными стеклами. И бампер «шестерки» оказался как раз на ее пути.

– Ой, «ламборджини», – изумился Вовка.

– Да ну, хватит тебе, обычный «пontiак», – раздраженно бросил Барский, открывая дверцу и выглядывая из машины.

Хотя он прекрасно сознавал, что «пontiак»-то «пontiак», да не совсем обычный, а прошлогоднего выпуска, номерной, таких и в Европе не так уж много бежит. Да и стоит такая тачка тысяч восемьсот, не меньше, не включая растаможку, если, конечно, не угонная.

Из машины вышли двое (ну и рожи, подумал он, без скандала не обойтись) в одинаковых рыжих кашемировых пальто и белых шарфах, убийственными взглядами поглядели на «шестерку», затем уставились на длинную полосу, прочерченную ее резиновым бампером.

Барский вышел из машины.

– Мужики, кто же так ездит, – сказал он. – Вы мне чуть бампер не своротили.

– Ах ты, сука! – изумился стриженный молодой человек с бычьей шеей. – Да я сейчас этот бампер тебе знаешь куда засуну?

– Только не при детях, ребята.

– Да я счас твой х... бантиком завяжу, чтоб не мог больше ублюдков своих строгать! – рывкнул тот, что повыше, и ухватив Барского за шиворот, занес кулак. Второй умудрился весьма чувствительно ударить Валерия по ребрам.

В том моментально проснулась Работа. В конце концов он мог быть прав или не прав в этом ДТП, мог быть сильнее или слабее своих противников, но сейчас они осмелились поднять руку на работника Системы, которую никто еще не смог сокрушить. К ним уже направлялись гаишники, предвидя хороший куш, высунулись из окон стоящие в пробке водители, и перед глазами общественности и органов правопорядка Валерий не мог ударить в грязь лицом.

Жестом, отработанным в сотнях спаррингов, он перехватил несущийся к нему кулак и выкрутил его за спину громиле. Следующим был удар по затылку кулаком. Этот удар отозвался ответным ударом – лба противника о ребро крыши «пontiака». «Люб» соскользнул, оставив на поверхности ощутимую вмятину.

Тем временем первый, который попался Барскому под левую ногу, стал разгибаться и полез во внутренний карман пальто.

Без лишних слов, не отпуская заломленной руки второго, Валерий выхватил из подмышечной кобуры пистолет и приставил его ко лбу первого.

– Стой, стой, падла! – закричали ему со стороны.

В это время из стоявшего неподалеку джипа «паджеро» выскочили три человека с пистолетами и помповыми ружьями, направленными на него. Затем открылась и задняя дверца черного «понтиака» и из нее с трудом вылез бородатый мужчина цыганского вида, лет под шестьдесят, с буйно курчавой головой. Одет он был в алую рубашку, на плечи была наброшена волчья шуба.

– Ша, мазурики! – рявкнул он на своих. Потом, переведя взгляд на Барского спросил: – Ты откель такой будешь сам, паря?

– Пскопские мы, – буркнул тот сквозь зубы.

– А-а-а... – протянул мужчина. – А мы вот, муромовские. Приехали Москву-матушку поглядеть, себя показать.

– Да, – с чувством сказал Барский. – Таких в Москве оч-чень не хватает.

– Будем знакомы. – тот протянул руку. – Заботой меня кличут. Слышал такого Илью Заботина? Да отпусти ты козлов этих. Ни хрена вести себя не умеют. Где ты так драться-то выучился?

– На работе.

Подоспевшие гаишники, глянув на его документы, схватились за рации.

– Так ты грушник! – присвистнул Забота, заглянув через плечо гаишника. – Ну ладно. Ша, мужики, трезвонить, базара нет. Не хер было правила нарушать, морда козлиная! – Он вдруг с силой ударил своего водителя ногой по голени. Тот согнулся от боли. – А ты, мужик, – сказал он Барскому, – оченно мне пондравился. На, держи картёнку. – Он небрежно сунул в руку Валерию золоченую визитку с голограммой. – И не потому только, что морды чистить могёшь, но и держать себя умеешь сурьёзно.

Валерий скосил глаза на визитку. На ней значилось: «Заботин Илья Захарович. Мэр города Муромова. Депутат областной думы».

– Смотри, если вдруг хлеба гэбэшные несладкими покажутся, ты только свистни, тут же тебя к себе начальником охраны возьму.

– Спасибо, – сказал Барский, пряча ствол в кобуру. – Надеюсь, что мы с тобой друг без друга обойдемся.

Но надеждам его не суждено было сбыться.

* * *

К одиннадцати Корсовский прочел и продиктовал ответы на тридцать два письма, требующих его личного внимания, поговорил по телефону с министром финансов, маршалом авиации и неким лидером профсоюзов. К двенадцати он прокомментировал планы развития дорог и погашения задолженности по зарплате в атомной промышленности, дал оценки двух оборонных проектов, причем общая сумма, связанная со всеми этими хлопотами, составляла сто тридцать миллиардов рублей. Если считать, что голос России – один из решающих в Совете Безопасности ООН, и признать как аксиому, что состояние дел в стране – это точное отражение ее финансов, если поверить, что обороноспособность страны неотделима от ее бюджета, и если учесть, что бюджет страны верстался именно в стенах этого кабинета, то остается согласиться и с тем, что одним росчерком пера этот сухопарый брюнет определял судьбы мировой политики. Ровно в одну минуту первого он подписал последнюю папку и закрыл ее.

– Думаю, все пока идет вполне нормалёк, хотя вскорости нам потребуется хренова туча бабок. – Корсовский попытался вложить в свой голос все достоинство, которое дали ему годы деятельности в Большой Политике, но в среде Власть Имущих голос его звучал, сродни рязанской балалайке, по ошибке затесавшейся в камерный оркестр. Он не был интеллигентом и никогда не смог бы им стать. Как он ни следил за своей речью, жаргонные словечки так и

соскакивали с его языка, приводя в щенячий восторг журналистов и давая обильную пищу карикатуристам и сценаристам кукольного полит-шоу.

Но, памятуя, что «короля делают подданные» Берзиньш держался с ним, как с принцем крови, не откликаясь на фамильярности и шуточки и опасаясь даже отвечать ему в тон.

Корсовский оттолкнул папку и откинулся в своем кресле, чувствуя слабую боль, которую теперь причиняло ему даже малейшее усилие: слишком много конференций, слишком много решений, которые надо принять, слишком много воспоминаний, и одно из них в особенности тревожило его. Он быстро выбросил из головы последнюю мысль и потянулся к коробке с сигарами, протянутой ему секретарем.

– Благодарю вас, Берзиньш.

Несмотря на это тяжелое для языка имя, он заставлял себя произносить его, как бы подчеркивая свое уважительное и доброжелательное отношение к секретарю. Он взял сигару и самолично отрезал кончик массивной серебряной гильотинкой. Берзиньш поднес к ней зажигалку. Знал бы эта козлина белобрысая, что с гораздо большим удовольствием он затынулся бы «беломором», особенно с травкой, но... Ему нельзя даже думать об этой запретной привычке. Пронюхай кто, хоть враги, хоть друзья, что Корсовский балуется травкой (достаточно даже запаха) – и хана ему. Он не удержится в своем кресле и минуты.

Поэтому он глубоко затынулся кубинской «короной» и на секунду прикрыл глаза.

Этим кончался некий ритуал, который говорил, что на сегодня утренняя работа завершена. Выпустив первый клуб дыма, вице-премьер нетерпеливо ожидал, когда секретарь соберет бумаги и на полчаса оставит его наедине со своими мыслями – единственное время, когда он позволял себе отдаваться им.

– Извините. Мне крайне неприятно тревожить вас из-за чего-то, возможно, несущественного, но...

Ингмар Берзиньш говорил, как всегда, медленно и осторожно, тщательно пытаясь справиться с акцентом. Он уже два года жил в России, но все еще был осторожен в разговорах. С цифрами у него было все в порядке, как, конечно же, и с балансовыми отчетами, он мог читать их, как романы, ведь цифры на всех языках складываются одинаково. Но составление фраз, а также точный смысл слов и их произношение еще не всегда ему давались, и он вынужден был говорить с оглядкой, так, будто от этого зависела его работа, кстати, возможно, так и было. Его работодатель не переносил недоумков. Человек, слабо знакомый с русским языком, по его мнению, мало отличался от шизофреника.

– Что такое, Ингмар?

Корсовский опять затынулся сигарой, глядя, как голубовато-серый дымок воспарил к потолку, подобно следу прожитых лет, которые привели его к высочайшей из мыслимых чиновных вершин. Да, всегда вверх, с каждым годом все выше и выше: комсомольский босс, зам-предисполкома, директор преуспевающего модельного, затем и рекламного агентства, затем директор концерна, замминистра, председатель двадцати комитетов, и наконец вице-премьер правительства, правая рука Самого...

– По Интернету для меня что-либо приходило?

– Да, есть последняя корреспонденция, но...

Берзиньш помедлил.

– Мне, конечно, не хотелось это читать, но вы мне сами велели, чтобы я просматривал всю корреспонденцию.

Корсовский на вращающемся кресле резко повернулся к компьютеру. На плоском жидкокристаллическом мониторе размером с приличный телевизор плавали виртуальные рыбки.

– Как я уже говорил, возможно, это просто розыгрыш, но мне кажется, вам стоит взглянуть.

– Разумеется.

Компьютер был постоянно подключен к Интернету. Корсовскому оставалось только нажать стрелочку курсора, стоявшую на «почтовом ящике».

Корсовский медлил, разглядывая крошечный конвертик с надписью рядом:

«Москва, Кремль, г-ну И.М.Корсовскому.»

В письме значилось: «Если дорожите работой, не раскрывайте файл и дайте ему прочитать самому».

Возле последней строчки была нарисована скрепочка. Так прикреплялся текст основного сообщения.

– Весьма любопытно, Ингмар, – сквозь зубы процедил Корсовский, но не шевельнул и мизинцем в доказательство того, что этот файл хоть как-то его заинтересовал.

– В конце концов, вы ведь не обязаны лично отвечать на каждое письмо. Полагаю, это написал псих, лунатик или обнищавший гений. Сколько таких посланий мы получили за последний месяц? Семнадцать тысяч, насколько мне помнится. Планы переустройства мира, всеобщего благоденствия, справедливого перераспределения ресурсов... Дурачков и блаженных в этом мире предостаточно.

С этими словами Берзиньш сделал два шага вперед, не стараясь, впрочем заглядывать в монитор.

Корсовский медленно, словно нехотя поводил «мышью» по коврику.

– А откуда послано вы не установили? Постарайтесь сменить наш логин прямо сегодня. Вообще, идиотизм какой-то: кто хочет может запросто подключиться к закрытой правительственной линии...

Берзиньш сделал движение рукой, и на лице его отразилось странное замешательство.

– Тем не менее, на вашем месте я бы его не читал, а сразу же удалил бы его. Знаете, что-то во всем этом мне не нравится. Мне кажется, тут может содержаться что-то нехорошее. Возможно, отправитель испытывает сильную ненависть к вам...

– Вы действительно так думаете, Берзиньш? Очень интересно. В таком случае мне это тем более необходимо знать. – Корсовский слабо улыбнулся. – Ваша забота о моем благополучии, делает вам честь, но что вы предполагаете найти в этом файле? Виртуальное дуло виртуальной пушки, направленной мне прямо в лоб? Виртуальную бомбу, которая взорвется? Отравленную иголку, которая уколёт мне палец? Увы, какой бы убийца там не таился, оружие его виртуально и реально повредить мне не смо...

Он дважды «кликнул» кнопкой «мыши» и начал читать раскрывшийся файл.

Секретарь смотрел, как Корсовский уставился в появившиеся на мониторе строчки, из которых сложилась совершенно идиотская фраза. Над разгадкой этой фразы его секретарь, который все же прочел сообщение загодя, бился уже два часа.

Корсовский все еще улыбался.

И вдруг разом, внезапно и без какого-либо предупреждения с его лицом что-то произошло. Улыбка сошла с его точеных, академических черт, и они начали оплывать. Глаза стали стеклянными, тонкий рот открылся, и раздался глубокий вздох. С полминуты он сидел, уставившись на экран, а затем так, словно это было самым трудным и важным в его жизни, схватился за клавиатуру и принялся пометать и уничтожать одно сообщение за другим. И, глядя на отражение в мониторе, Корсовский вдруг, казалось, увидел собственное лицо. Оно таяло и оплывало прямо на глазах....

– Господи Боже! – совершенно отчетливо для стоящего рядом Берзиньша проговорил он. – Боже! Боже! Боже! О, Боже!.. – повторял он снова и снова.

Затем комната потускнела и покачнулась, что-то похожее на стальное острие начало проникать в центр его груди, и он упал на пол.

Мясницкая улица. 19 июня 199... года. 12:09

В этот день в родном Управлении царила особенная тишина. После утренней пробки, драки и разбирательства с гаишниками и бандитами, Валерий чувствовал себя здесь, как в некоем оазисе стабильности и определенности, всего того, чего ему так не хватало в окружающем мире. Паркетные полы тихих и длинных коридоров были застелены дорожками. На стенах висели вставленные в овальные гипсовые медальоны портреты великих разведчиков и контрразведчиков прошлого. Кузнецов, Абель, Лонсдэйл, Филби – они смотрели на него теплыми сочувственными взорами, словно провожая на очередное задание ради блага мирового пролетариата. Обычно в здании царила тишина, которую время от времени нарушала механическая дрожь – от проносившегося глубоко под землей поезда метро. Но дрожь эта еще более оттеняла гулкую тишину здания.

Войдя в приемную, Барский с интересом поглядел на адъютанта своего шефа, тридцатилетнего Вадика. Тот по-дирижерски замахал руками. Барский кивнул – он и сам услышал, как из-за плотно закрытых двойных дверей кабинета начальника Пятого отдела управления внешней разведки доносятся звуки «Полета валькирий». Это было явно не к добру.

Вернувшись к себе в кабинет, он приготовился ждать. Годы перестройки не прошли бесследно для Конторы. Выброшенными на улицу оказались десятки тысяч работников региональных и центральных органов. Так Контора отреагировала на приказ Кремля сократить штаты и всячески перестроить работу. На самом же деле уволены были лишь балластные личности, партийные выскочки и любимчики всяких бонз. Система не только выжила в годы перестройки, но и окрепла, стала более динамичной, активнее проникающей во все отрасли повседневной жизни. Бывшие осведомители, топтуны, спецагенты, киллеры, обладавшие недюжинными связями, пронизали все структуры нового общества.

Официально Барский уже несколько лет не работал в Конторе, и возглавлял некое частное охранное предприятие под гордым названием «Эгида». Но на его имя до сих пор был открыт счет, на который время от времени капали какие-то зарплаты и премии. Такая двойная жизнь его не тяготила. В конце концов, он ведь был дипломированным тайным агентом, и не имело никакого значения, работал ли он в родной стране или в какой-либо иной. Он работал на благо родины – хорошей она была или плохой.

* * *

Генерал Генрих Эдуардович Кравцов терпеть не мог немцев, но обожал немецкую классическую музыку. Он полусидел, полулежал в большом кресле у окна, глядя на громаду «Детского мира», напрочь перечеркивающую весь вид из его окна, на людской муравейник, суетящийся у его подножия и ползающий по этажам, и хотя лицо его выражало чистейшее удовольствие, он не улыбался. Хирурги сделали несколько пластических операций на его лице, но при холодном ветре оно все еще в какой-то мере деревенело. С другой стороны просторного кабинета, выдержанного в сталинских интерьерах (плюш, позолота, дубовые панели), одна из первых отечественных стереосистем марки «Ригонда», не сохранившаяся даже в редких комиссиях, удивительно шумно воспроизводила «Полет валькирий» Вагнера, и правая нога Кравцова отбивала ритм. Левая (навсегда неподвижная) была вытянута перед ним. Она была изготовлена по специальному заказу из легких сплавов – настоящая была погребена много лет назад под руинами Сталинграда. На груди его тускло выделялись орденские планочки, говорившие о ряде высших наград государства, а на плечах красовались генеральские погоны, но для Крав-

цова не это было важно. Важным была пластиковая карточка в кармане, где он значился главой Пятого отдела, той секции ФСБ, которая занималась Западной Европой.

Хор добрался до финальной кульминации, и проигрыватель умолк. С удивительной ловкостью для своих шестидесяти четырех лет и изуродованного тела, Кравцов оттолкнулся от кресла и подошел к телефону, стоявшему на рабочем столе. Вместо звонка телефон был снабжен лампочкой (Кравцов ненавидел ненужный шум), и последние три минуты лампочка непрерывно мигала. Он знал об этом, но и не подумал прерывать исполнение любимой мелодии.

– А, это ты, Валер, – проговорил он, поднимая трубку. – Да, хотелось бы повидать тебя... Так, ничего особенного, ласы почесать захотелось.

Шрам под его глазами набух. Он уже ждал этого звонка и, судя по заблестевшим глазам генерала, от разговора с собеседником многое зависело.

– Да, зайди... Когда? Да, прямо сейчас. Я вот чайку поставлю.

Он положил трубку на место и буркнул односложную фразу по селектору. Через тридцать секунд в комнате появился молчаливый собранный адъютант с подносом, уставленным чашками, сахарницей, розеточками с вареньем и тихо и аккуратно поставил все на стол. Генерал кивком отпустил его и потянулся к чашке. При этом он тихо напевал мелодию «Полета» и, помешивая сахар в чашке, походил на доброго веселого старичка-отставника без каких-либо забот или неприятных мыслей.

Через минуту в комнату вошел Барский и откозыряв, направился к столу.

– Привет, Валер, – радушно встретил его хозяин кабинета. – Заходи, садись. Как семья, в порядке? Хорошо.

Кравцов придвинул ему чашку и указал на сахарницу:

– Угощайся, тебе сколько?

Барский усмехнулся:

– Ну вот, сейчас начнутся традиционные страдания русской интеллигенции.

– Как это? – изумился генерал.

– В гостях, – пояснил Барский, – наш интеллигент кладет в чай три кусочка сахара. Дома – один кусочек. А хочет класть – два!

Оба рассмеялись. Потом генерал помрачнел.

– Н-да, сынок, влипли мы с Юркой. Капитально влипли.

– Говорят, у него неприятности? – осторожно поддержал беседу Барский. – С кем не бывает.

– У нас такого быть не должно! – рявкнул генерал, ударив кулаком по столу и словно для верности пристукнув ногой по полу. – Не неприятности, а сыпанулся, и не просто сыпанулся, а как козел. Как фрайер македонский, как вахлак! В центре Лондона его тормознул констебль за неправильную парковку, а он с ним давай спорить! Слово за слово, дело доходит до драки, и наш Юрка попадает в участок, где ему шьют дело.

– Может, спровоцировали пьяную драку-то? – с надеждой спросил Валерий.

– Угу, спровоцировали. Виски с темным пивом спровоцировали. Ну вот, а в машине нашли спецмикрофон. А в кармане – спецчасы с микропленкой. На беду оказалось все к одному. И начальник полицейского участка приболел, так его зам выслужиться решил, еще бы, шпиёна поймал. Короче, пока прискакали люди от «Интеллидженс сервис», тот уже всю давал интервью газетчикам.

– Кто, Юрка или зам?

– И тот и другой

– Ну, дела...

Привычным движением Кравцов перелил чай в блюдечко и, подув, с шумом втянул в себя чай. На столе перед ним лежала пухлая папка, которую он поднял и какое-то время подержал в руке.

– Конечно, черт с ними, с неприятностями. Все бы ничего, если бы не эта статья.

– Что, уже в «Таймсе» появилось?

– Да не в «Таймсе», а в нашем сегодняшнем «Сексомольце». Полили грязью сверху донизу. Совершенно идиотская постановка вопроса – если мы не собираемся воевать с Англией, то зачем засылать туда шпионов? Так-то, может, еще удалось бы спустить дело на тормозах, а теперь нашим мидовцам придется искать какой-то ответный ход, выдворять англичан из страны. Насилу уговорил их не высылать военного атташе британского посольства. Битый час вдалбливал этим уродам, что на такой должности и должны быть резиденты что нашей, что ихних разведок. Так и называется «узаконенный шпион». Ну да ладно, – Кравцов махнул рукой и философски заключил: – Провалом больше, провалом меньше.

Барский согласно кивнул головой. Система работала как большая и хорошо отлаженная машина. В ней мог проржаветь и отвалиться один какой-то нерадивый винтик, но об этом сразу становилось известно машинисту, и на место выпавшего вкручивали новый...

– Не жалко мне Юрку, пойми ты! – Кравцов резко развернулся на стуле лицом к Барскому. – Дурак он, ваш Юрка, комсомольский выкормыш. Считай, что он и там неплохо устроится. Дадут ему лет семь, отсидит три в комфортабельной английской тюрьме, останется в Англии и будет книжки писать. Мне за престиж нашей державы обидно. Что же получается, ни за хрен собачий нашего агента берут прямо на улице, отбирают спецсредства, в тюрьму его... Да так завтра они любого другого могут схватить! Тебя, меня...

«Уж тебя-то они точно с удовольствием поймеют, старый мерин, – без злобы подумал Барский. – Много ты им кровушки империалистической попил за свою жизнь. Да только тебя в Лондон и калачом не заманишь».

– Словом, – продолжал Кравцов, – мы с товарищами посоветовались и решили, что столь наглое поведение англичан напрямую связано с бездарным экономическим курсом нашего с тобой, Валер, правительства. Покамест мы тихо-плавно сползаем в пропасть, но завтра это сползание превратится в лавину. И в такой момент ни ты, ни я, ни один патриот не может оставаться в стороне от грядущих событий.

«Та-та-та, – подумал Барский, вопросительно глядя на генерала. – Что-то мне в твоём голосе знакомые обороты и интонации слышатся. Не у бывшего ли ты премьера нашего сегодня с утра в гостях был, и не потому ли «Валькирий» весь день слушаешь? Уж не задумал ли ты чего, товарищ генерал, со своими старперами-собутыльниками?»

– И, разумеется, в такой сложной политической обстановке от нашего внимания не должны ускользать первые лица нашего государства. Агенты зарубежных разведок так и выются вокруг них, пытаясь извлечь какую-то выгоду из их, зачастую безответственного поведения. Компромат, брат, в наши дни – великая сила. Скомпрометированный министр, опасаясь отставки и расследования, может по приказу зарубежного резидента разрушить целую народно-хозяйственную отрасль. – Пронизывающий взгляд генерала, казалось, норовил проникнуть в самую душу Барского. – Поэтому каждый раз, когда в наших руках оказывается что-либо компрометирующее первых лиц государства, мы обязаны оградить их от посягательства шантажистов.

Он сделал паузу, словно дожидаясь ответа, но Барский задумчиво изучал ложечку в чайном стакане, терпеливо ожидая продолжения. И дождался.

– Наш интерес вызвала фигура вот этого человека. – Генерал раскрыл папку, вынул из нее и протянул Барскому фотографию человека, которого дружно ненавидела вся страна.

– Я сейчас сообщу тебе детали, но сначала мне хотелось бы узнать твое мнение. Говорят, что ты хороший физиономист, можешь определить характер человека по его лицу. Скажи мне так, словно видишь его впервые, что ты думаешь об этом человеке? Что можно прочесть на его лице?

– Ну что ж, попытаюсь, товарищ генерал, но я не волшебник.

Барский взял фотографию и поднес ее поближе к свету. На фотографии был высокий мужчина в отлично скроенном костюме, стоявший перед столом с кипой книг. На его худом лице с черными глазами на выкате особенно выделялся большой орлиный нос. Черные гладкие волосы спускались прядью наискось лба. Фотограф очень постарался, придать широкой, но искусственной улыбке искренность и убедительность.

– Да, ничего не скажешь, очень ушлый парень.

Барский тихо барабанил пальцами по столу, изучая фотографию.

– Лицо уверенного в себе человека ближе к сорока пяти-пятидесяти. Сейчас раздался, но до недавнего времени был, по-видимому, очень худощав. Был неплохим спортсменом. Он привык к власти, но власть его, я бы сказал, не распространялась на людей, а осуществлялась через них. Привык быть на вторых ролях, привык работать в команде, не выбивается в капитаны, но на своем месте играет первую скрипку. Высококвалифицированный чиновник и прохиндей до мозга костей. Есть в его лице также что-то такое, чему я не могу доверять. Я бы сказал, что он все время что-то скрывает.

– Отлично, Валерий. – Голос Кравцова звучал, как у учителя, у доски похвалившего отличника. – Ну, а теперь скажи мне, можно поставить этого человека на колени?

– Может ли он быть сломлен?

Барский слегка поднял брови.

– Да, конечно. Как вы знаете, любой может быть сломлен, если найти нужный пресс. Тем не менее...

Он покачал головой и продолжал изучать фотографию.

– Не думаю, что этот человек быстро сломается. А почему он нас интересует, Генрих Эдуардович?

– Дело в том, что, как тебе известно, именно этот пройдоха осуществляет экономическую политику нашей страны. Президент и премьер едят у него из рук, как он повернет, так они и поступают.

– Ну, это известно каждому, – заявил Барский.

– А теперь скажи мне, может ли этот человек чего-либо бояться?

– Журнал «Форбс» в прошлом месяце поместил его в первую десятку богатейших людей мира... – задумчиво пробормотал Барский.

– Ты прав, более того, добавлю, что через него (и контролируемые им фирмы и банки) ежемесячно за рубеж перекачивается свыше миллиарда долларов.

– Он может бояться опалы, отставки... – задумчиво пробормотал Барский.

– Со стороны президента? Никогда! На той неделе он подарил супруге президента замок в Шотландии, а его сынишке – самый настоящий парусный корабль. Трехмачтовую яхту. На день рождения, так сказать.

– Он может бояться огласки чего-то такого... Может быть у него не все в порядке на сексуальной почве?

– Глупости, он чуть ли не официальный педераст и главный попечитель гей-клуба «Блю-Драгонс». Что, впрочем, не мешает ему иметь супругу. По слухам, у нее не все в порядке с головой.

– А что если он опасается суда за уголовку?

Генерал с сочувствием посмотрел на Барского и подытожил:

– Наверное, всем в стране, кроме тебя, старикаша, известно, что он начинал как «торпеда» в Муромской преступной группировке, пять раз привлекался к уголовной ответственности за отмывку денег мафии, вышел в уголовные авторитеты на торговле «живым товаром», продавал в немецкие и ближневосточные бордели русских девчонок. Всего через руки его агентства прошло свыше пяти тысяч баб, о пятистах из которых с тех пор ни слуху ни духу.

– В таком случае он может быть связан с зарубежными разведцентрами...

Генерал сердито махнул рукой, прерывая его.

– Разве ты не помнишь, что именно он два года назад совершенно открыто передал президенту США списки наших резидентов за рубежом, так сказать, в знак наступления «эры дружелюбия»? По сравнению с ним Пеньковский выглядит просто патриотом.

– Черт побери, но как такой человек может руководить государством?! – воскликнул Барский.

– Да ты еще совсем мальчишка, – насупился Кравцов. – Неужели ты думаешь, что на совести Андропова, Брежнева, Хрущева, Сталина, да и того же Ленина было меньше воровства и крови? Но они вместе с тем боролись за светлейшие, самые прекрасные идеалы человечества, и отдельные их проступки не отражались на общем курсе государства. Капиталисты боялись нас как огня, союзники пресмыкались перед нами, народ день в день получал зарплату...

«На которую нечего было купить», – подумал Барский.

– ... и пусть в отдельных регионах страны порой встречались отдельные случаи дефицита...

«...масла, муки, мыла, мяса, сигарет, спичек, белья, зерна, колбасы...»

– Однако в целом народе жило стремление к лучшему будущему. Сейчас же по вине Корсовского и иже с ним господ-дерьмократов мы скатились в такой тупик, что потребуются десятилетия на то, чтобы вновь выстроить все нарушенные экономические связи. Как могут честные порядочные люди не вмешаться в этот хаос? Впрочем, я отвлекся. Да будет тебе известно, что сейчас этот человек оказался на крючке у шантажиста. Причем у настолько влиятельного шантажиста, что наш вице-премьер действительно испугался и готов есть у него из рук. И любим мы его или нет, мы обязаны оградить его от посягательств... Ты себе представь, что если этот шантажист по совместительству работает... даже не на ЦРУ, а на любую из зарубежных разведок – нашей стране грозит катастрофа.

– По-моему, – проронил Барский, – Корсовского в том году уже пугали семью чемоданами с компроматом. И он не испугался.

– Зато теперь он трясётся от ужаса, – улыбнулся Кравцов и вдруг стал похож на кота, который знает, чтомышь близко. – Он настолько напугался, что давеча его увезли в больницу с сердечным приступом. Больше того, мне известно, что он чем-то напуган настолько, что от паники почти лишился рассудка. И если мы сможем узнать, что его так напугало... то уверен, что мы... э-э-э... сможем избавить страну от нависшей над ней угрозы.

Улыбка сошла с его лица, и он снова стал просто профессиональным следователем, излагающим факты своему помощнику.

– А факты таковы. В окружении Корсовского есть человек по имени Берзиньш, – продолжил он. – Ингмар Берзиньш, латвийский стукач и бывший наш сексот, улизнувший оттуда во время их «революции». Благодаря его стараниям в свое время в тюрьмы были отправлено столько народу, что на родине ему оставалось только выбирать между расстрелом и виселицей. Он постарался вывезти и семью тоже, хотя и другим маршрутом, но их вовремя перехватили. Они все еще в Латвии, из-за чего наш герой очень расстроен. Короче говоря, этот сука обосновался у нас и получил у Корсовского место секретаря. Он по профессии экономист, работал в Минфине и еще до перестройки контактил со своим нынешним шефом по службе, наезжал в командировки. А наш Корсовский из тех, кто скорее наймет на это место умного эмигранта, чем своего бездарного соотечественника. Во всяком случае, Берзиньш работает у Корсовского уже девять месяцев. На этом кончаются факты, которые мы можем проверить. В остальном приходится доверять Берзиньшу на слово. Где-то с неделю назад он звонил в латвийское посольство и говорил с их военным атташе. Он передал ему, что имеет важные сведения относительно своего шефа, которые он хотел бы продать. Ценой будет разрешение его семье покинуть Латвию. И хоть звонил он по телефону-автомату, но наши слухачи засекли его,

наружка проводила, установила личность, но... – генерал опять тепло улыбнулся, – дальше этого кабинета информация не пошла

– И что же поведал соотечественникам этот сексот?

– Он сказал, что последние шесть недель Корсовский получает сообщения, которые очень похожи на попытку шантажа. Во всяком случае, он ими запуган. Первого из них было достаточно, чтобы вызвать небольшой сердечный приступ. Берзиныш очень ярко описал процесс чтения. Он сказал, что Корсовский выглядел дьяволом, слишком долго пробывшим в огне – не правда ли, весьма образное сравнение. Когда он прочел сообщение, то смог лишь стереть его и потерял сознание.

– Неужели?

Барский искоса поглядел на бумагу.

– Интересно, что же такого было в этом письме? Как я уже говорил, мне кажется, этого человека не так просто сломить.

– Не в письме, Валер, а в сообщении. Дело в том, что Корсовский, как и многие теперь, пасётся в Интернете. Он имеет там свою секретную анонимную страничку. Разумеется, написать ему может каждый, кто... имеет к ней доступ, знает пароль, код... Полагаю, что так с ним общаются его биржевые маклеры, агенты, которые скупают ему недвижимость по всему миру, может быть, политические деятели.

– А у нас есть ее код?

– Код ее может быть изменен в любой день по желанию владельца. Знать его в точности может лишь оператор сервера, расположенного в Белом доме. Но с этой стороны он надежно прикрыт.

– И все же...

– И все же кто-то проник на страничку экселенца Корсовского и написал там гадости. Более того, если верить Берзинышу, он сейчас сломлен. После первого пакостного письма было еще три, и Корсовский развалился на части: почти не ест, плохо спит и сидит на лекарствах, которые едва-едва поддерживают его... Нет, пока нет никаких требований денег, – не дожидаясь вопроса заявил Кравцов. – Берзиныш почти уверен, что его шефу даже не известен автор этих писем. Конечно, он не может в этом поклясться, но полагает, что лишь в последнем письме был какой-то намек на адрес.

– В последнем письме! Вы хотите сказать...

Барский даже подался вперед.

– Да, мы получили его. Берзиныш наложил на него руку два дня назад, но не отдал шефу. Он скопировал его, стер из компьютерной памяти и вручил его нам, как доказательство своей лояльности, хотя и удалил адрес. Адрес он даст в обмен на свою семью.

– Но ведь вы сказали, что он связывался с посольством...

– Ой, какой ты непонятливый. Все верно, но на следующий день ему позвонил один человек и на чистом латвийском языке представился сотрудником посольства, офицером разведки и предложил встретиться. Теперь Берзиныш, если ему надо связаться со своими, звонит сюда, в кабинет напротив моего. Там дежурит пресловутый «офицер», тридцать лет проработавший в бывшей «братской республике». А теперь... – Кравцов вынул из своей папки половинку листа бумаги. Вручая его Барскому, он казался несколько озадаченным.

– Это звучит безумно, но мы должны быть уверены. Конечно, очень велика вероятность того, что это всего лишь обман со стороны Берзиныша, но мы обязаны знать точно.

– Да, в нашей работе порой приходится покопаться в чужом белье.

Барский взял бумагу. На ней был стилизованный рисунок виселицы, выполненный средствами компьютерных значков и всего две строчки, написанные стандартным шрифтом. Рисунок изображал фигуру человека рядом с виселицей. Над фигурой была петля, и под рисунком – надпись: «Я все еще думаю о цыганке, которая погубит тебя».

– Цыганка, ну-ну! И вот этой херни, оказалось достаточно, чтобы вызвать у великого финансиста сердечный приступ? Я был о них лучшего мнения.

– О ком, о цыганках?

– Нет, о финансистах.

Барский еще раз глянул на фотографию.

– Интересно, что ты об этом думаешь? Мне действительно интересно...

– Будем рассуждать логически – что нам даст раскрутка этого дела? – проговорил Барский. – Это или обман со стороны Берзиньша или нечто вроде мрачной шутки, которая действительно способна заарканить Корсовского. Помните английскую поговорку? «У каждого есть мертвец в сундуке». Похоже, именно такой сундук наш прибалт у своего шефа и обнаружил. Нет, я не думаю, что это обман. Если бы этот стукач решил что-то нам навесить на уши, он сделал бы это тоньше. Показывали вы это нашим специалистам?

– Конечно, вот отчет. Графологам тут, конечно, делать нечего. Впрочем, стилисты определили, что записка написана старым человеком с плохим здоровьем. Автор, вероятно, мужчина, хотя стилисты и не уверены. Зато они уверены в типе того, кто это писал. Кто бы он ни был, Валер, но это тип психически ненормальный...

– И как они это определили? – Барский бегло просмотрел отчет. – Да это надо в КВН послать или в наши времена посылали в «Крокодил» в раздел «Нарочно не придумаешь» – «слова «все еще» выражают внутреннюю неуверенность автора в своих силах, что свойственно пожилому человеку...». «Человек с уравновешенной психикой написал бы, скорее, не «погубит», а «убьет» или что-то более определенное...» Кому и за что вы платите деньги, товарищ генерал?

– И тем не менее они клянутся, что психологический портрет писавшего именно таков.

– Итак, шантаж – работа шизика. Кстати, почему хваленая служба безопасности Бидэ не засекла, откуда поступила сия депеша?

– Из ниоткудова, Валера. Да-да. Как мне объяснили наши яйцеголовые (сам-то я в этой чертовщине ни шиша не смыслю), тот, кто послал это, врезался прямо в кабель и эксплуатировал чужой телефонный номер. Засечь его компьютер пока не получается.

– Ничего себе шизик! – присвистнул Барский. – Либо я чего-то в этой жизни недопонимаю, но шизофрения и компьютер – это разные вещи. Шизофреника можно представить за роялем, мольбертом, письменным столом, даже за пишущей машинкой, но не за клавиатурой компьютера. Общение с компьютером предполагает наличие сколько-либо связного логического мышления. Однако Бог с ним, с этим ненормальным. Я не понимаю другого, почему это задание поручили нашему отделу. Ведь наш профиль – зарубежка.

– Вот именно потому, друг мой! Никто и не подумает, что Корсовского может разрабатывать наш отдел. Разумеется, этим шантажистом уже занимаются. Другие. Знай, что у самого Корсовского одна из самых сильных служб безопасности в мире. Его агенты (кроме бандитов) набраны из числа отставников ФСБ, не исключено, что у него есть осведомители и из числа наших сотрудников. Ему ежедневно докладывается обо всем, что делается у нас, в милиции, РУОПе, что, кстати, помогает ему предупреждать своих поделльников о готовящихся против них операциях. Наш отдел в этом отношении его совершенно не интересует. Информацию о нас он имеет тогда, когда она уже прошла по каналам Главного управления. Кстати, учти, его хорошо прикрывают и внутри и снаружи, стреляют его ребята без предупреждения. Это ощутил на своей шкуре недавно один авторитет из малаховских, когда попытался подрезать его на своем «паджеро», его машину изрешетили и спустили под откос.

– Вот поэтому-то мы и вспомнили про твое детективное агентство, и ты под его прикрытием начинай тихо-тихо вести собственное расследование. Узнай, кто шантажирует нашего вице-премьера, как и почему. А чтобы тебе было не скучно, дадим мы напарничка... – При этих

словах Кравцов положил на свою стол тяжелую сильную руку с медленно гнущимися пальцами, которая призвана была выполнить любую работу, каковы бы ни были обстоятельства.

– Генрих Эдуардович, мне в таких делах помощники, а тем более со стороны не нужны.

– Э, нет, Валер, таковы условия игры, на этом настаивает один важный и оч-чень сурьёзный человек, который эту игру затеял и опасается, как бы мы с нашим компроматом через нос его не прокинули. Тебе придется полностью доверять этому человеку, но до некоторых пределов. Ты вовсе не обязан посвящать эту даму во все детали операции. Все равно руководить ею будешь ты. Ты понимаешь, Валерий?

– Понимаю.

– Кстати, ввиду того, что официально ты у нас не работаешь, то можешь прямо сейчас отказаться от этого задания. Тебя никто за это не осудит.

Барский посмотрел на него, и сразу же слегка циничное выражение слетело с лица Кравцова, и он стал похож на то, чем и был на самом деле – машиной или, по крайней мере, частью машины. Рычаг, придуманный во времена насилия и запускаемый в действие, когда это понадобится конструктору, чтобы выполнить задачу или быть уничтоженным. Политика может изменяться так же, как и политики, но служба разведки не менялась, как и люди вроде Кравцова. Он был старым большевиком, фанатично преданным идеям Ленина и Сталина. Он был твердо уверен, что их учение всесильно ибо оно верно и ради достижения главной цели готов был затаиться, прилюдно поносить и бывших вождей, и «годы застоя» (что он частенько делал на собраниях), но в тайне проводить свою стратегию в жизнь.

– Пожалуй, выбор может быть только один?

– Ты угадал, Валерий Арнольдич, хотя лично я очень сожалею, что вынужден отрывать тебя от твоей частной розыскной работы.

Хотя они были старыми друзьями, Барский прекрасно понял замаскированную угрозу. За восемьдесят истекших лет Контора не изменилась. За годы перестройки и демократии могла измениться мораль и нравственность общества, экономика и политика, враги могли стать партнерами, а вчерашние друзья злейшими врагами, но Машина, сконструированная ушлыми механиками еще во времена борьбы за «мировую революцию» работала равномерно, отлаженно и по своим правилам.

Зазвонил телефон без диска. Генерал взял трубку и сказал:

– Все нормально, он согласен, – и, положив, трубку на рычаги, вновь обернулся к Валерию.

– Когда начинать? – спросил Барский.

– Что тебе на это сказать? – Кравцов усмехнулся, пожал плечами и протянул ему пухлую папку с личным делом вице-премьера. – Прямо сейчас и начинай. И ты уж гляди, того – не посрами чести мундира. Думай о семье, о детях своих, которые тобой гордиться будут.

– Да, уж, наверное, только при правнуках это дело рассекретят, – усмехнулся невесело Барский.

Хотя секретный агент сохранял за собой право в любой момент отказаться от выполнения задания, даже провалить его (с кем не бывает), но и Контора в таком случае сохраняла за собой право в любой момент растереть в порошок и его и всех его близких. За любой провал или предательство будет заплачено по самой высокой ставке. Таковы были правила игры, и Барский прекрасно их сознавал, когда совсем еще зеленым юнцом (о, как давно это было) подавал рапорт о переводе его на службу в органы госбезопасности.

* * *

В это время дверь открылась, и в кабинет Кравцова вошли трое мужчин – три ключевые фигуры, стоящие у основных пружин деятельности государства: председатель Конторы

Мартьянов, заместитель главы администрации президента Худолев и глава Агенства службы информации Зубарин. Вошли они не той дверью, через которую в этот кабинет входили все смертные, пройдя по коридору на глазах у всех, а дальней, спрятанной за портьерами и, очевидно, пройдя сюда дорогой, по которой их никто не видел. При их появлении Кравцов почтительно встал и указал рукой за стол. В здании Конторы было много таких архитектурных излишеств, иначе она не была бы Конторой.

Государственные мужи расселись за столом. Кравцов заковылял было к кнопке, но Мартьянов предупредительным жестом поднял руку.

– Нет, Генрих Эдуардович, мы сюда не чаи гонять пришли, а посмотреть на твоего молодого человека, в последний раз прикинуть и оценить наши возможности.

Он внимательно поглядел в глаза Барскому и сказал:

– Вы, наверное, удивлены тем, почему такие люди, как мы заинтересованы в том, чтобы найти этого мелкого пакостника-шантажиста. Дали бы ему спокойно сделать свое черное дело, попил бы он денег из нашего вице-премьера или отправил бы его в отставку – да и дело с концом! Или до него бы самого добрались люди Корсовского и закопали бы его так, чтобы никто и никогда о его могилке не узнал. И поделом ему, нечего наших премьеров шантажировать. Но на самом деле все обстоит гораздо серьезнее. Наша цель – не свалить Корсовского, а обуздать его.

– Времени терять нельзя ни минуты, – заявил Зубарин. – По нашим данным Корсовский только что утащил из бюджета очередной миллиард долларов и рассовал его по своим западным банковским счетам. Но через неделю наступает срок платежей по ГКО, и от того, как поведет себя наше правительство, зависят очередные западные кредиты.

– Я, откровенно говоря, – смущенно признался Барский, – во всей этой экономике ни бэ ни мэ.

– А чего тут понимать-то? – злобно фыркнул Худолев. – Эти ублюдки решили надуть весь мир, выплачивая по обязательствам двести процентов годовых. В то время, как во всем мире платят не более пяти процентов. И разумеется при таком раскладе любой обыватель, что наш, что западный, с удовольствием давал нашему правительству деньги под залог его вшивых обязательств. Чем и был вызван временный рост экономики. Но теперь нашей обнищавшей стране уже нечем платить такие астрономические проценты! Поймите меня правильно, никто не против обогащения в разумных пределах, но ведь заводы же стоят, народ на грани голодного бунта! Не сегодня-завтра начнется гражданская война.

«И потому вы решили вместо нее ограничиться тихим, маленьким, карманным дворцовым переворотом. И не переворотом даже, а перетасовкой», – подумал Барский.

– Речь, разумеется, не идет о перевороте или прочих каких-то глупостях, – генерал Кравцов строго взглянул на Барского. – Просто некая инициативная группа решила использовать некие рычаги нажима на неких лиц с тем, чтобы предотвратить сползание рубля в пропасть, выплатить задержанные зарплаты бюджетникам, вернуть деньги из-за рубежа. И ведь такие возможности имеются и могли бы успешно сработать, если бы не личность этого человека... – он стукнул тяжелым кулаком по фотографии Корсовского.

– Даже Госдума сегодня не в состоянии повлиять на позицию правительства, – негромко сказал Худолев. – У министров самостоятельности меньше, чем у школьников на диктанте. Переворот сейчас делать – милости просим, народ проголосует за любой ГКЧП. Впрочем, переворот совершать сейчас – совершенно нереально, против нас восстанет все мировое сообщество. У нас есть единственный шанс исправить положение к лучшему – взять за шкирку Корсовского и велеть ему делать то-то и то-то и не делать того-то и того-то.

– Пригласите нашего сотрудника, – распорядился Мартьянов.

И в комнату вошла девушка – очаровательное создание с белокурыми коротко стриженными под мальчика волосами, серой юбке, на четыре пальца короче колен, довольно скром-

ной блузке. При виде ее рот Барского непроизвольно открылся и оставался в таком положении несколько дольше, чем обычно – на вид девица была явно школьной (или около того) поры.

– Прошу любить и жаловать – это Штурмина Елена Андреевна, – проскрипел Мартынов, – племя, так сказать, «младое, незнакомое». Новое поколение нашей Конторы. Свежая, так сказать, кровь. Последний выпуск нашей Вышки. Спецкурсы и общеобразовательные предметы – на отлично. Очень политически грамотный и соответственно подкованный товарищ. Думаю, она сработается с вашим сотрудником, Генрих Эдуардович.

– Уверен, что так и будет, – заулыбался Кравцов, – Валерий Арнольдич у нас человек общительный и коммуникабельный.

– Поймите нас, молодые люди, – негромко сказал им Худолев, сурово озирая их своими по-рачьи выпуклыми глазами. – На эту операцию мы пошли вовсе не от хорошей жизни и не из желания затеять этакую мышиную возню при дворе. Положение в стране настолько тяжело, что только врожденное русское добродушие и тяжесть на подъем уберегают страну от гражданской войны. Но плохо даже не то, что страна разворована, разграблена, расхищена, плохо то, что полностью отсутствуют пути к спасению – если, разумеется, сохранится сегодняшнее положение вещей. Пока Корсовский и его прихлебатели разворовывают страну, пока президент и его родня принимают из рук его эти уворованные у народа дары, пока Дума, лениво потягивая, принимает все законопроекты, подготовленные этим подонком Корсовским, мы будем сползать в эту пропасть.

– До каких же пор? – осведомился Барский.

Глаза четырех стариков воззрились на него с недоумением.

– Меня просто интересует степень нашего падения, – пояснил он. – Ну, что нам грозит – оккупация силами НАТО, военный коммунизм, переход правления под контроль международных сил или еще чего похуже?

– По прогнозам наших специалистов, – ответил Зубарин, – действительный голод начнется по весне с присоединением к нам Белоруссии. Нам придется буквально взывать о гуманитарной помощи к развитым странам Запада. Под залог зерна и мяса те потребуют передачи им в управление 75 процентов акций основных государственных компаний-производителей сырья и энергии. Под контроль Запада перейдут Газпром, РАО ЕЭС, под контролем «Эссо», «Шелла», «Рура» будут добываться руда, нефть и уголь. В недрах ЦРУ-НАТО уже готов план, согласно которому к осени следующего года произойдут выборы в местные органы самоуправления, в результате чего власть на местах перейдет под контроль западных компаний-монополистов в данном регионе. Регионы еще больше обособятся один от другого, к зиме ожидается введение национальных сибирских, дальневосточных, среднерусских и южнорусских валют, к весне произойдет демаркация границ регионов и отход Калининградской области к Германии и Курил с Сахалином и Камчаткой к Японии. Примерно через год и три месяца, к лету ожидается раздел России на 24 государства, из которых одна лишь Москва будет поделена на три свободные экономические зоны... Вот в общем-то и все – печально улыбнулся он. – Хотя, признаюсь, это наш самый пессимистический прогноз. Все это лежит под спудом, наподобие снеговой массы в горах. Но достаточно произойти лишь одному выстрелу... Начало этим процессам будет положено, если только в нашей стране произойдет очередной банковский кризис и обвал банковской системы, подобный тому, какой произошел в «черный вторник». Очередного финансового кризиса страна просто не выдержит.

– Ну почему же? – продолжал настаивать Барский. – Выдержали же обмен денег, замораживание облигаций, мораторий на выдачу банковских вкладов...

– Господи, я не могу, ну объясните ему вы, Леночка, – сказал директор Агентства.

Леночка взглянула на Барского своими невинными изголуба-синими глазами, слегка подведенными зеленым карандашом.

– Экономика государства работает по принципу сообщающихся сосудов, – пояснила она. – Государство получает налоги от работающих предприятий и выплачивает народу деньги в виде зарплат и пенсий, которые народ частично оставляет в банках. Из банковских денег государство вновь субсидирует сельское хозяйство и предприятия, которые вновь зарабатывают деньги и вновь платят налоги. И нормальная работа этого цикла – залог процветания любого государства. Но стоит этому циклу нарушиться, допустим, люди разом возьмут и прекратят вкладывать деньги в банки, начнут скупать иностранную валюту и складывать ее под подушку – и государство не сможет субсидировать производителей. Те – не смогут производить ни зерна, ни ткани. Сам же народ давно отучился пахать и сеять. Значит настанет голод. Он обязательно настанет, поверьте мне.

– Ну... не знаю, – Барский развел руками. – Я отчего-то всегда считал что голод возможен только в городах, а русский крестьянин сам себя прокормит.

– Вы жестоко ошибаетесь, – заметил Худолев. – В городах-то голода как раз и не будет, поскольку основная гуманитарная помощь будет направляться именно в них. А вот деревня вымрет. Поскольку русский крестьянин давно разучился производить что-либо, кроме навоза. Как вы думаете, в чем причина нынешнего неурожая? Да в том, что западные производители зерна заключили с нашими колхозами договора на поставку зерна и заранее проплатили нашим крестьянам весь будущий урожай до последнего зернышка. И «добросовестно» забили в договора пункт об отсутствии претензий в случае если зерно неуродится по причине засухи или других стихийных бедствий. И что же вы думаете сделали наши пейзажи с этими миллионами долларов? Председатели колхозов понакупили себе «мерседесов» с «джакузи», стали строить себе дворцы с пластиковыми крышами, крестьяне же как валялись на печках, посасывая самогонку, так и продолжали валяться – а поля так никто даже и не засеял! Напротив, распродали все семенное зерно! Ну и, разумеется, заготовили по осени справочки от метеостанций, что в течение года выдались исключительно тяжелые погодные условия. Только никто за этими справочками так и не явился. Господам-капиталистам оказалось достаточно того, что наша страна оказалась без своего хлеба – они вдвое взвинтили цены на зерно и за валюту продали его нашим же крестьянам.

– Гениальная экономическая диверсия, – только и смог развести руками Барский.

– Между прочим, – вставил генерал Кравцов, – разработанная экономическим отделом разведцентра бундесвера и предложенная на прошлогодней сессии министров сельского хозяйства ЕЭС. Мы об этой готовящейся операции докладывали, но нас никто не захотел слушать.

– Таким образом, – Барский покачал головой, – мы присутствуем при очередном витке холодной войны.

– Ошибаетесь любезнейший, – заметил Зубарин. – Наш прогноз звучит несколько по иному. Как вы думаете, Леночка?

– Специалисты западных спецслужб, – сказала девушка, взглянув на Барского своими дивными глазищами, – полагают, что третья мировая война будет не войной бомб и ракет, а войной разведок и экономик. Эти приемы были удачно апробированы на примере Сербия-Босния, Сербия-Косово и Ирак-Кувейт, США-Ирак, где войска и несколько выпущенных ракет являлись лишь демонстрацией военной силы, а основные победы достигались при помощи политики и экономики. Третья мировая война уже идет. Для того, чтобы развалить СССР военными методами странам НАТО потребовалось бы четыреста триллионов долларов; можно было бы заранее списать на жертвы ядерных бомбардировок около пятидесяти миллионов человек (европейцев и американцев), и итоговый результат ожидался более чем сомнительный. Для того же, чтобы профинансировать результаты Беловежских соглашений потребовалось не более 10 миллиардов долларов, причем совершенно бескровных. Следующий этап войны – развал России на 24 суверенных государства, каждое из которых в действительности станет сырьевой колонией какой-либо западной державы. И этот этап также станет бескровным и не

особенно финансово обременительным. Такие как Корсовский продадут нас Западу за ничтожную сумму и совершенно не будут мучиться совестью.

Барский почувствовал себя не совсем в своей тарелке, он самому себе казался школьником на педсовете, где обсуждались направления развития воспитательного процесса.

«Ладно, думал он, шибко вы все умные. А я – обычный агент, звезд с неба не срываю. Война? – говорите вы. Ладно, на войне, как на войне».

– Напоследок я хочу сказать, – произнес Мартьянов, – что на вас, молодые люди, возложена очень важная и очень тайная миссия. От вашей слаженной и четкой совместной работы зависят судьбы всего государства. Больше того, всего нашего народа. Всего человечества... Есть еще какие-нибудь соображения по этому поводу?

– Да я вот думаю... – пробормотал Барский, – если нашей страной правят такие отпетые мошенники, то, может, разумнее было бы их – того?.. Ликвидировать, так сказать, проблему.

Высокопоставленные лица при этих словах встрепенились и переглянулись

– Ни в коем случае! Что угодно, только не убийство, – затараторил Худолев.

– Еще одного супервора наша страна не переживет! – вторил ему Зубарин.

– Вы что, хотите, чтобы к власти пришли Обжировский, Зюзюев или Вампиров? – напрямую спросил Барского Мартьянов.

– Ей-Богу, нет! – поклялся тот.

– А генерал Уткин, этот псевдо-миротворец, подписавший капитуляцию на Кавказе, – тот вообще не пользуется поддержкой ни в народе, ни в армии. Нет, товарищ э-э-э... – он заглянул в папку, – Барский, мы в этом деле должны пользоваться методами наших врагов – действовать решительно и быстро. Но одновременно и по-нашенски, по-советски – бескровно и безболезненно.

С этими словами он поднялся. Следом за ним поднялись и его спутники и вышли из комнаты, предварительно обменявшись рукопожатиями с Кравцовым. Незаметно исчезла и Лена.

– Товарищ генерал, – сказал Барский, вставая и собираясь прощаться. Следующая фраза вылетела из него буквально против его воли: – А когда же зарплата будет? Ведь с марта не платят.

Кравцов встал и протянул ему руку, потом похлопал его по плечу и сказал:

– Потерпи, сынок, мы твою семью не бросим. Своих мы не бросаем. Никогда. Ни при каких обстоятельствах.

Стоя, он наблюдал за направившимся к двери Валерием. Когда тот уже собирался выйти, он позвал его обратно.

– Полковник, возможно, это будет охота за черной кошкой в темной комнате, но, возможно, и нет. Запомни одно: всё самое ценное люди хранят в сейфах. Но сейфами могут быть и большие стальные гробы и оловянные коробочки, а могут – тайники в цементных сводах, но у всех есть одно общее: дверь и ключ от нее. И мне от тебя нужен ключ, Валера. Я хочу знать все об этой чертовой цыганке, которая является ключом ко всей нашей экономике. Мне все равно, как ты это сделаешь, но найди мне этот ключ... Мы же позаботимся о твоей семье. А теперь прощай. Удачи тебе.

Он смотрел, как за человеком, посланным, возможно, на смерть, закрылась дверь, а затем вернулся к своему столу и, открыв ящичек стола, налил себе стаканчик из пузатой бутылки. При этом взгляд его упал на клочок бумаги и маленький рисунок. Он улыбнулся и поднял стакан над бумажкой.

– Ну-с, дражайший Игорь Михайлович, пью за цыганку, которая вас погубит.

* * *

Девушка ждала в его кабинете. В Конторе до сих пор сохранялась за ним эта конурка, может быть, чтобы не забывал, откуда вышел, может быть, чтобы мог кого надо вызвать и допросить. Стол с лампой, старомодный телефон, похожий на черного жука-навозника и два стула по разные стороны стола. Лена села со стороны допрашиваемого, сомкнула вместе свои аккуратные угловатые коленки, руки на них сложила – и вся обратилась в олицетворение покорности.

– Ну что мне вам сказать, мадам, – начал Барский, закуривая.

– Мадемуазель... – обронила девушка.

– Простите, что вы сказали?

– Если вы решили обращаться ко мне по-французски, то правильнее будет сказать «мадемуазель», поскольку я не замужем.

– Угу, понятно, – Барский перебросил сигарету в другой угол рта. – То есть, пардон.

– Сильвупле, – еле слышно выдохнула та.

– Гхым... – Барский прокашлялся. – Вы, я вижу, хорошо владеете французским.

– В основном разговорным, меня вообще-то для Канады готовили.

– Да? А меня для скандинавских стран, стажировался в Голландии.

– Правда? – зажглась она. – Обожаю Скандинавию, Швецию, АББУ, лыжи, хоккей и вообще все северное и холодное.

– Я-то тоже думал, что придется померзнуть, а меня глава концерна сразу же услал на Суматру...

«Где ты свалился с тепловым ударом, господин Барский, подумала Лена. Что, впрочем, не помешало тебе разведать планы строительства там голландского завода по выпуску химического оружия. А затем ты сам же спланировал и организовал провокации, в результате которых голландцев оттуда вышибли, оборудование попортили, а суда с реагентами арестовали. О, браво-брависсимо, Зорро ты наш, герой моего сердца, чемпион моей мечты!»

– Сколько вам годков-то, мадемуазель, не считите за праздное любопытство.

– Двадцать три, мусью, в этом году в декабре месяце будет двадцать четыре.

– Это что же, прямо со школьной скамьи да в Вышку?

– Нет, что вы, еще полгода в армии отслужила, в войсках ВДВ.

На столе лежала тощая папочка, он открыл и лениво перелистал ее – личное дело Штурминой Елены Антоновны, родом из Саратова. Английская спецшкола. По межшкольному обмену ездила в Англию, где прожила три года – до своего шестнадцатилетия. Старший сержант воздушно-десантных войск. Ей двадцать три, скоро будет двадцать четыре года, незамужем, детей нет. Ого, мастер спорта по гимнастике, кандидат в мастера по тхеквондо, двадцать пять парашютных прыжков, по стрельбе из табельного оружия – зачет «отлично».

«Нет, в наши времена, таких котят в Вышку не брали, – думал между тем Барский. – На курс шли люди с опытом, с устоявшимися убеждениями, какими-то нравственными критериями, закаленные и проверенные. А тут – дети малые, сплошной детсад...»

«Деды сиволапые, песок с ушей сыплется, – с предупредительной улыбкой глядя на него, думала Лена, – такие вот ящеры как ты и довели страну до ручки».

– Вы курите, товарищ э-э-э...

– лейтенант, – отозвалась она. – Никак нет, товарищ полковник.

– Хм. А я вот, курю.

Барский запустил сигарету в рот, зажег, жадно затянулся.

– Ну-с, милая барышня, давайте прикинем, чем мы располагаем?

– Слушаюсь, товарищ полковник. – Она скрестила ножки и положила на стол папочку. – Для работы нам выделяется офис на Якиманке с обстановкой, телефоном, факсом, компьютерами. Вот адрес... Внешний вид. Проходные дворы. Предусмотрен вход и выход через подвал. Один автомобиль «москвич» – для меня, у вас, кажется, есть свой, два мобильных телефона, спецрадиопередатчик. Вы можете временно снять для себя квартиру в частном секторе – не дороже трехсот долларов в месяц. Нам выделяются также суточные – по пятьдесят девять рублей в день.

– Негусто, – пробубнил Барский.

– Кроме того нам из спецфонда выделены средства в размере пяти тысяч долларов. В случае необходимости можете получить их.

Барский спросил, стараясь сохранять небрежно шуточный тон:

– А я могу на эти деньги пригласить вас в какой-нибудь ресторанчик?

– Разумеется можете, – отвечала та без тени улыбки. – Только вам придется сочинить в этот вечер рапорт о том, куда вы потратили эти деньги, и отчет с обоснованием этих трат. Кстати, и мне – тоже.

День спустя

Можно было только догадываться о том, какие силы включились в борьбу против все-сильного временщика и орудием которых стал выступать Валерий Барский, отставной полковник разведки, ныне генеральный директор частного охранного предприятия «Эгида». Судя по тому, что к делу прикалывались ежедневные отчеты обо всех передвижениях и встречах Корсовского, тут явно не обошлось без Службы внешнего наблюдения, всезнающей «наружки», некогда могучей и широко разветвленной, а теперь изрядно поредевшей, но сохранившей навыки и хватку.

К тексту прилагались фотоматериалы. Вскоре он изучил всю схему службы охраны вице-премьера, основную физическую силу коих составляли боевики муромской преступной группировки, а интеллектуальный потенциал состоял из отставных агентов госбезопасности.

Утром следующего дня Валерий отправился на свое основное место работы.

Подъезд выходил в маленький переулочек, который после поворота выскакивал на Садовое кольцо. На солидной металлической обитой кожей двери висела полированная латунная табличка, на которой значилось «Экспортно-импортное предприятие ЗАО «Эгида». С нами вы всегда в порядке».

Валерий позвонил, дверь открылась. Внутри было чистенько, свежепокрашено, евроотремонтированно, глазастый человек мог бы побиться об заклад, что последний плинтус прибит полчаса назад.

Миловидная девушка, стучавшая на компьютере, при виде него встала и протянула руку, из-под очков блеснули живые задорные глаза.

– Здравствуйте, Валерий Арнольдович. Я на сегодня буду вашим доктором Ватсоном.

– Скорее мисс Марпл, – пошутил Барский и проследовал в небольшой, но уютный собственный кабинет с черной мебелью, креслами, обтянутыми черной кожей и изрядных размеров столом, на котором лежало не особенно толстое личное дело господина Корсовского.

Задымив сигаретой, Барский вновь проглядел подшитые в дело документы. Они совершенно не вдохновляли его на подвиги, в отличие от изящной, прекрасно сложенной девушки, которая вела себя так, словно проработала у него в офисе всю последнюю пятилетку.

«До чего же работа портит людей», – подумал он, когда это миниатюрное воздушное создание появилось с подносом в руках. На подносе стояли чайные принадлежности. Чай умеренной крепости с одной ложечкой сахара, соленые крендельки и стакан чуть побольше чайной чашки и чуть поменьше пивной кружки, какие он предпочитал. Тогда же он обратил внимание на то, что в отличие от вчерашнего дня юбка у нее была недопустимо короткой, не скрывавшей прекрасно выточенных ножек – довольно рискованно обнаженных.

– Что-нибудь еще? – осведомилась Лена.

«Интересно, если я попрошу ее сейчас задрать юбку, – подумал он, – она и это выполнит?»

Он взглянул ей в глаза и прочел недвусмысленное:

«Ага. Конечно. Причем немедленно. Заодно и сосочки посолою».

Он махнул рукой, поблагодарил и, глядя вслед завораживающей игре ее икр и бедер произнес:

– Кстати, Лена, попрошу вашей консультации.

Она остановилась у двери и с интересом посмотрела на него.

– Да?

– Кого, по-вашему, может бояться в наши дни мужчина, которому в этом мире всё вообще, как говорится, до фени. Ну, то есть полностью упакованный, обеспеченный, ни от кого не зависимый, ничего не боящийся...

– Ясное дело кого, – немедленно ответила Лена, – жены, разумеется.

– Ну нет, жена тут отпадает, жена, говорят, у него давно свихнулась.

– Тем более, – ответила девушка. – Ко мне всё? Тут к вам факс ползет с отчетом о прослушивании линий этого вашего «бесстрашного».

«А ведь по большому счету она не так уж не права со своей бабской логикой, – подумал Барский, вспомнив скандал, разразившийся нынче вечером и ночью и продолжившийся с утра, когда супруга узнала, что он на некоторое время вынужден будет уехать в командировку, и что ей, между прочим, тоже имеет смысл срочно с детьми уехать к маме в Тернополь, при этом не оставляя подругам адреса и ни с кем не связываясь по телефону.

Шура выдала ему сполна и от чистого сердца поведала ему обо всем, что накопело у нее на душе за годы полуголодной малообеспеченной жизни.

* * *

Из личного дела Корсовского явствовало, что за годы своей примерной жизни ни он, ни его родители и родственники до седьмого колена не совершили абсолютно ничего противозаконного, не сидели, не имели родственников за границей, к уголовной ответственности ни как подследственные, ни в качестве свидетелей не привлекались. Впрочем не имели и орден, медалей, правительственных наград и поощрений. Не владели иностранными языками, не выезжали в Израиль, не имели невозвращенных кредитов. Ни прокуратура страны, ни ФСБ, ни налоговая полиция не имели к семейству Корсовских абсолютно никаких претензий. На счету вице-премьера в Сбербанке лежало чуть больше трех тысяч рублей, квартира и дача были служебными, автомобиль «ваз-восемьмерка» был куплен на заводе за копейки.

– В таком случае мне остается предположить, что в журнале «Форбс» сидят круглые идиоты, если решили, что у этого человека одно из самых богатых состояний в мире, – заорал Барский в телефонную трубку.

– Ну Валера, ты прям как дитя малое! – обиженным голосом ответил ему начальник аналитического отдела Дробилин. – «Форбс» пользуется информацией своей спецслужбы, которая шныряет по швейцарским банкам и вынюхивает где что плохо лежит. Мы же не можем давать тебе непроверенную информацию. Мы аналитический отдел, а не помойка, куда сваливают все протухшие сплетни и слухи.

– А мне нужны именно протухшие сплетни! – разозлился Барский. – Мне нужно знать имена его любовников, кличка его кошки, и сколько раз в день он пукает. И мне насрать на какой помойке ты будешь все это выискивать, а то я немедленно пишу рапорт о безобразном сборе сведений об объекте.

Затем появился курьер из отдела маттехснабжения с объемистым пакетом.

Валерий открыл его. Прислали заказанные им тридцать или около того удостоверений на все случаи жизни. Конечно, схалтурили, только часть из них были такими, какие он заказывал – ветхими, потрёпанными, заляпанными чернилами и пятнами от воды, а примерно с десяток были новенькими, только что из типографии – как такие совать в нос проверяющему? Несколько примитивных жучков, которых не найдет разве что слепой, пара скрэблеров чтобы надевать их на телефонную трубку во время разговора.

– Они, видимо, забыли, что мы живём в век сотовой связи, – скептически сказала Лена. – Господи, сейчас же есть микрофоны-булавки – воткнул в воротник и слушай себе спокойно. Сейчас есть такие спецсредства!

– Наша Контора работает по старинке, – пояснил Барский.

– А это еще что? – спросила Лена, берясь за толстую неброскую авторучку с надписью «Рapid» на крышечке.

– Осторожнее, не дергай за скобку, – предупредил Барский. – Это плевательница.

– Чего?

– Ну, допустим тебе надо что-то поджечь, а оно не загорается. Хороший коктейль напо-добие «молотовского», но на фосфорной основе. Можно запалить даже металл или камень.

– Для чего?

– Наверное для того, чтобы подавать сигналы. Впрочем, с расстояния полметра может обжечь кому-нибудь морду, – Он небрежно сунул авторучку во внутренний карман пиджака.

– А вы не опасаетесь, что эта э-э-э... физиономия может быть вашей? – скептически осведомилась девушка

– Нет, потому что для этого колпачок надо покрутить вправо.

Он не упомянул о том, что если покрутить его влево, то выстрелит стержень с оперённым кончиком, и очень острый шприц, вонзившись в плоть, произведёт мгновенную и совершенно безболезненную инъекцию смертоносного препарата на основе яда «кураре» – незаменимое средство против собак. Негуманно, конечно, но Барский предвидел, что кроме двуногих врагов в этом деле у него могут найтись и четвероногие.

* * *

Поступивший факс был из электронного отдела. Володька Саломяхин, главный компьютерщик Управления, писал на жутчайшем канцелярите, из коего следовало, что неизвестный хакер, фигурирующий под условным обозначением Х. проник в компьютерную сеть Белого Дома по каналам Интернета, напрямую связался с правительственным сервером, который известен всему миру и не только не скрывается, но напротив, широко рекламируется, ибо по нему сам президент общается с миром в редкие минуты своего посещения Интернета. И на сервере имелось несколько почтовых ящиков, в которые имели право писать всё что им вздумается все шизофреники мира. И лишь доверенные лица предваряли свои сообщения несложным кодом, благодаря которому их письма попадали именно к тем лицам, которые в этих сообщениях были заинтересованы. У шантажиста этот код был.

Далее делом техники было его вычислить. После второго сообщения служба безопасности нашла передаточный сервер, через который шло сообщение. Это оказались обычные провайдеры, которые показали стопки карточек своих клиентов, большая часть которых не имела не только адресов и паспортных данных, но даже имен-фамилий и ограничивалась логинами-кличками. У провайдеров отняли лицензию и штрафнули, но, очевидно, зазря.

И хотя технически оставалось возможным выяснить, кто послал такое-то письмо во столько-то минут и столько-то секунд вчерашнего дня, но и тут с бедолагами-провайдерами могли связаться через три-четыре сервера, как грамотные хакеры и поступают, путая следы.

И если западная компьютерная полиция научилась вычислять своих хакеров, и то не сразу, а по неделям просиживая за мониторами, то у нас это проблема проблем.

Словом, единственной возможностью установить адрес компьютера, с которого отправлялись послания, было вновь получить его письмо (ибо теперь-то все были начеку) или засечь телефонный номер, к которому был подключен модем.

Барский походил по кабинету, посвистывая, и засунув руки в карманы и решительно набрал номер телефона.

* * *

Совешание проводилось на шестнадцатом этаже здания концерна «Росс-Петролеум», одной из трех крупнейших нефтяных компаний, которой владела муромская братва и ее полномочный представитель, вице-премьер Корсовский. Здание из полированного красного гранита с черно-зеркальными окнами в два человеческих роста красовалось на Бульварном кольце

и было прозвано в народе «крематорием». Однако для того, чтобы подольше не платить федеральный налог, задняя половина здания была окружена забором, на ней выросли строительные леса.

– Что за херня?! – изумление в голосе вице-премьера граничило не просто с раздражением, но с яростью. – Я набирал свою службу безопасности из профессионалов высшего класса, а теперь вижу, что тут собрались сплошные лохи, которые не в состоянии вычислить какого-то сраного гондона, который собрался угрожать мне! Мне, в натуре, мля...

Уголовное прошлое и долгое сотрудничество с блатными авторитетами ощутимо сказывалось на лексиконе. Корсовский знал за собой эту слабость и потому не любил выступать на публике и особенно перед газетчиками, но перед своими можно было не стесняться.

Отставной генерал госбезопасности Виктор Сергеевич Солдатов задрал вверх густые кустистые брови и раскрыл было рот, но ничего не сказал. Однако Корсовский заметил это движение и перевел на него взгляд.

– Тут проблема чисто техническая, – сообщил генерал. – И мы этого компьютерщика вычислим. Уже по сетям вычисляем. С ЦРУ мы уже связались, там у них есть доки по этой части...

– Отставить, – хмуро пробормотал Корсовский. – Это дело не Запада, это наше, внутреннее гавнецо, сами с ним разберемся.

Напротив стола сидел крупный сутулый мужчина, абсолютно лишенный волос. На нем был щегольский офицерский мундир, какие обычно носят на парадах. Скучающее, чуть отсутствующее выражение лица придавало ему вид упитанного торговца, но впечатление было обманчивым. Звали его Андреем Трубенковым, он был отставным полковником и первым заместителем Солдатова. При этих словах он сделал пометку в блокноте. В данный момент он был весьма доволен собой.

– Для пользы дела, – невинно промолвил генерал, – не мешало бы нам знать, с кем мы имеем дело – с шизофреником или с гением?

– Че-ево? – поморщился вице-премьер.

– Сами посудите, одно дело, если этот текст с цыганами он выдал просто так, вроде бы для подь. бки. Но как он подь...бывает, чем и почему? С другой стороны, может, эти цыгане у него вроде навязчивой идеи или устойчивой мании...

– А вот давайте-ка мы его поймаем и у него все это подробно выпросим. Еще новости?

– Наши агенты из Конторы докладывают, – сообщил полковник Трубенков, – что там также перехвачена эта информация и ведется проработка.

– Что еще за проработка? – вскипел Корсовский. – Соедините меня с директором Конторы.

Спустя несколько минут, вырвавшись из селектора, комнату заполнил густой бас Анатолия Мартянова.

– Как живете-можете, Игорь Михайлыч!

– Вашими молитвами, Анатолий Лукич, – отвечал тот.

– Здоровье-то как?

– Вы насчет позавчерашнего? Пустяки, перекурил. Врачи советуют переходить на более легкие сорта табака.

«После того, как ты всю страну посадил на махорку...» – устало подумал Трубенков. Ему было откровенно противно все в этом кабинете, и болван Солдатов, всю жизнь занимавшийся диссидентами и ставший его начальником на посту службы безопасности вице-премьера, и явно уголовные личности, которые были в его окружении, да и делишки, которые проворачивались на этом этаже, персональном этаже вице-премьера.

– ... просто я узнал, что кое-кто в твоей конторе чересчур интересуется моим грешным здоровьем, – продолжал вице-премьер.

– С чего бы это? – удивился Мартьянов. – Я вроде бы такой установки не давал.

– А ты енто... дай, дай, Лукич, установочку! – хрипло пролаял Корсовский. – Очненно интересно мне знать, кто это из твоих сексотов пасти меня вздумал. Так им и передай – роги поотшибаю, мля, на хрен!

Он бросил трубку и жадно закурил «Яву», сорт, к которому прикипел сызмальства, и к которому прибегал в кругу своих, забывая про сигары.

И вновь зазвонил звонок – телефона, возглавлявшего орду телефонных аппаратов, сгрудившихся на боковом столике. На его диске сиял золотом свежоотчеканенный двуглавый орел, лишь недавно сменивший герб СССР.

– Привет, Владя, – ласково сказал в трубку Корсовский.

– Игоряша, это какой-то кошмар, – едва не прорыдал в трубку юный премьер-министр, которого они с таким трудом втащили в премьерское кресло.

– Ну, тише, тише ты, успокойся. В чем дело? – спросил Корсовский, постаравшись придать голосу вальяжные покровительственные нотки, но он уже по голосу понял, что сегодняшняя встреча с главой Международного валютного фонда окончилась провалом.

– Они не дают нам больше денег! – в отчаянии воскликнул премьер. – Нам через неделю платить по всем счетам, а нам негде больше взять денег! Нам нужны сотни миллиардов долларов!

– Да не переживай ты так!.. – начал было Корсовский, но премьер резко его перебил.

– А ты со мной как с младенцем не сюсюкай! Думаешь, я не знаю, зачем вы меня в это кресло усадили? Чтобы показать всем мальчика для порки? Не на того напали, Игоряша! Если меня отдадут под суд, я молчать не буду! Всех вас сдам, сволочей.

Звонкий зуммер впился в ухо вице-премьера. Он отдернул трубку и тоже швырнул ее на рычаги. В глазах у него двоилось, голова раскалывалась. Именно он пять лет назад придумал принцип кредитной чехарды, согласно коему и просуществовало все эти годы это многострадальное государство. Кредиты хватались отовсюду согласно графику и без того, так, чтобы очередной кредит перекрывал предыдущий и оставалось еще достаточно, чтобы подкупить себе еще замков, особнячков на курортах мира или перевести миллиончик-другой долларов в оффшорные банки. Однако в последний год даже доверчивым америкашкам стало ясно, что все их деньги идут не на развитие или стабилизацию промышленности, а прямиком в карманы высших чиновников правительства. И тогда пришлось распродавать на корню самые рентабельные отрасли промышленности. Но этого хватило ненадолго. Наконец и кредиты стали хвататься без всякого разбора всеми губерниями, кому было не лень, под залог целых городов и областей, и приостановить эту вакханалию банкротств не мог уже никто. Хотя нет, мог. Никто иной, как он, Игорь Корсовский. Для этого требовался некий неординарный шаг. Как скажем, тогда, со списком наших агентов. Отправив в американские тюрьмы с полсотни собственных резидентов, страна заручилась колоссальными кредитами. Тогда на открытии нового дворца Корсовского на Багамах пела сама американская супердива Лайза Сейерз... Он и теперь мог еще что-то придумать... Мог бы, если бы не этот проклятый хакер...

По мановению его руки все присутствующие покинули зал заседаний. Остались лишь трое. Корсовский поднял глаза, поглядев на подсевших к нему поближе пожилого Василия Трофимыча по кличке Трофим, огромную тушу Сережки Быкова по прозвищу Бычок и быстрого и тощего Юры Самойлова по кличке Саман.

– Какой-то ты смурной в последние дня ходишь, – с усмешкой кинул пробный шар Трофим.

– Ты, блин, Игоряш, будь поближе к народу, – предложил ему Саман, затягиваясь мерзкой на запах «Примой», – а то все вокруг на тебя уже внимание обращать стали. Скажи, Бык?

– Ё... мля... – промычал Бык. – В натуре.

Корсовский подозревал, что это были единственные слова, которые он умел произносить.

– Все в порядке, мужики, – сказал Корсовский, откидываясь в кресле и тем самым как будто проводя незримую грань между собой и ими, его соглядателями и телохранителями, которых братва приставила контролировать каждый его взгляд и вздох.

– Мужики на поле пашут! – оборвал его Трофим. – Что за херня тут творится? Какой еще хрен тебе угрожает?

– Если б я знал...

– А рази не знашь? – прищуренный глаз Трофима проникал как будто прямо в душу вице-премьера.

– Я? – Корсовский усмехнулся. – Знаю. За мной есть много чего. Да лишь вас троих достаточно заснять здесь, разговорчик наш записать, и мне готова отставка.

– Ну, батяня тебя так просто думцам на съедение не сдаст, – попытался успокоить его Саман.

– А при чем тут батя? – Корсовский развел руками. – Деньги-то ведь мне не он дает, а высокоморальная Америка. И стоит сенаторам узнать, что я имею дело с..., пардон, мафиози...

– Ты, во-первых не звизди! – заорал на него Саман. – Какая мы тебе, на хер, мафия. Мы, мля, – друзья твои. Братва твоя, понял? Скажи, Бык.

– Ё... бя... – проревел Бычок.

– А америкашки, на хер, пусть лучше приглядывают, кто там у ихнего президента отсасывает.

– Вы иронизируете... господа, – как можно ровнее постарался сказать Корсовский, – а между прочим, если Билла отстранят от власти, наша страна окажется на грани голода...

– И так уже вся страна зарплаты не получает, – буркнул Трофим.

– ... и гражданской войны, – закончил вице-премьер.

– Не бойсь, мы при любой войне выживем, – криво ухмыльнулся Саман.

– А на войне мародеров ставят к стенке, – резюмировал Корсовский. – И не забывайте, ублюдки, если бы я не привел старика в президентское кресло, если бы я не собрал на все это бабок, не скупил бы на Билловы баксы всех и вся, вы бы все, братва моя ненаглядная, исчезали бы еще два года назад.

– Что значит, «исчезали»? – насупился Саман.

– А то и значит. Пропали бы без вести так, как могут пропадать люди только в нашей стране. Без единого звука. Скажи, Трофим.

Старый бандит, насупив брови, покивал головой и пробубнил:

– Так мы что ж, Игорь Михалыч. Мы ж так... Может, думаем, помощь требуется.

– Разумеется, требуется! – подхватил Корсовский. – Вы же не просто мои «братки». Вы – будущие губернаторы, генералы, министры страны Российской. Никто не спасет нашу державу, кроме братвы. В вас я вижу великое будущее нашей страны. Но сейчас мы должны приложить все силы, чтобы вывести ее из тяжелейшего положения.

– Ты, блин, только скажи! – воодушевился Саман. – Мы за тебя любого порвем, скажи, Бык!

– Ё-о-о! Мля-а-а! – возликовал громила, в восторге тряся своими ручищами милостиво протянутую ему вице-премьерскую конечность.

«Если бы всеми мировыми политиками можно было управлять при помощи демагогии, – мечтательно подумал Корсовский, – я поистине мог бы создать Четвертый Рим».

* * *

Подозревая, что если его начнут вычислять, то справятся с этим в два счета, тем более, что стукачей с избытком имелось и в его Управлении, Барский снял комнату в маленькой квартирке недалеко от Белорусского вокзала, заплатив за нее несусветные с его точки зрения

деньги. Утешало его то, что квартплата шла из кармана налогоплательщиков. Он принял ванну и побрился перед тем, как приступить к делу, потому что привык перед началом любого мероприятия выглядеть солидно, к тому же торопиться не было необходимости. Московские офисы не закрываются раньше пяти, и нужный ему человек все еще на работе. Точно через четверть часа Барский должен выйти на улицу и отыскать нужную ему телефонную будку.

– Управление монтажно-наладочных работ 1122, – четко и безлико раздался из телефонной трубки хорошо тренированный голос.

Прелесть этой телефонной будки состояла в том, что при всем напряжении прослушивающих устройств, разговор, ведущийся из нее, представал в виде ровного однообразного гудения, чего не могла дать мобильная связь. Больше того – абонента не удавалось засечь никакими силами.

– Могу я поговорить с господином Ингмаром Берзиньшом?

– Господин Берзиньш, – по слогам повторил голос. – Вы не знаете номер его личного телефона?

– Нет, боюсь, что нет, но вы можете его найти. Он личный помощник...

– Понимаю, одну минуточку.

Телефон замолк, и затем раздался другой голос:

– Не могли бы вы представиться?

– Скажите ему, пожалуйста, что это по поводу контракта «Юкос-Шелл».

Почти сразу же после этих слов раздался третий голос.

На этот раз Барский без сомнения попал на нужного ему человека – у того был прибалтийский акцент, он говорил медленно и тщательно и явно боролся со своими эмоциями. Даже по телефону Барский чувствовал в этих тщательно произносимых словах надежду, возбуждение и страх.

– Берзиньш слушает. Да, я ожидал вашего звонка и очень хотел бы обсудить условия контракта как можно скорее. Вам подошло бы послезавтра утром?

– Да, это вполне меня устраивает. В десять минут десятого утра.

Барский посмотрел на часы.

– Благодарю вас. Буду вовремя.

Он заглянул в записную книжку, сделал там пометку и положил трубку. Пока все идет, как надо. Словом «утро» в их шифре обозначался вечер, послезавтра надо было читать как «сегодня». Значит первая встреча состоится сегодня вечером, а затем все пойдет по плану. Через час он получит клочок бумаги с адресом, который ему нужен. Он прониклся уверенностью, что история Берзиньша подлинная, это подсказывало едва уловимое возбуждение голоса в трубке. Он открыл дверь и вышел из будки.

* * *

Ирландский бар «Св. Брендан» находился на углу монолитного здания в районе Остоженки, и, когда Барский подошел к нему, двери были открыты. Он взял со стойки у входа газету и затем проследовал в салон за разномастной, большей частью молодой публикой, заказал кружку пива и унес его в один из кабинетов, располагавшихся вдоль стены. Берзиньш будет здесь только через несколько минут, так что у него было время полистать газету. Он лениво просмотрел заголовки, слегка при этом улыбаясь.

«Корсовский выступает на конференции МВФ. Вице-премьер России заявляет о просчетах прошлого российского руководства. Эксперты обещают кризис в России. Мэр Москвы метит в президенты».

Ему вспомнился очерк, вычитанный недавно в книге о «Ста великих казнях». О том как триста пятьдесят лет тому назад честный и порядочный офицер шотландской гвардии

Фельтон заколол палашом премьер-министра Англии Джорджа Вильерса. Того самого герцога Бэкингема, по которому так сохла французская королева, что отправила ему в подарок двенадцать бриллиантовых подвесков, про которые пронюхал кардинал Ришелье, за которыми в погоню кинулся удалой шевалье д'Артаньян, про которого так увлекательно написал Александр Дюма-отец, который... У которого в книге была масса неточностей. Или скажем так, вольного подтасовывания истории. Офицер Фельтон в его описании предстает легковерным влюбленным, которого охмурила коварная миледи, а герцог Бэкингем – благородным и бескорыстным подвижником, борцом за счастье трудового народа Англии. На самом же деле история была гораздо более прозаическая и гораздо более циничная, как это всегда и бывает в действительной истории. На самом деле Бэкингом, пользуясь попустительством короля, разворовал пол-страны, народ довел до полного обнищания, армию – до абсолютного разорения, и, видя все это, честный и порядочный морской офицер решил избавить от него страну. И избавил. Человек этот моментально стал национальным героем Англии. Люди заказывали в его честь благодарственные молебны и пили в кабаках за его здоровье. На полгода только о Фельтоне говорили в обществе, писали в газетах, судачили на рынках. А кончилось все это плахой и палачом. Хотя объективно в Англии того времени не нашлось бы ни одного человека, который хотел бы этого. Исключая разве что короля, который имел на этот счет особое мнение. Это-то особое мнение в свое время, спустя почти 20 лет после описываемых событий, привело на плаху и самого короля (и об этом также с блеском написал великий романист, так что, сдается, история служит лишь для того, чтобы господа-романисты могли на ее древе вольготно паразитировать).

Он подумал, что квалификация вполне позволила бы ему организовать вполне профессиональное убийство господина Корсовского. Заминировать его машину, встретиться с ним в подъезде или подкараулить на крыше с винтовкой. Однако история показывает, что заказные убийства до сих пор не решили еще ни одной глобальной проблемы. Разве что добавили хлопот их организаторам. Человеческая личность слишком ничтожна в масштабе истории, чтобы своим присутствием повернуть ее вспять. Вспомнилось, как на спецкурсах они разбирали самые громкие вмешательства иностранных разведок в ход исторического процесса и то, что произошло в результате их – провал революций в Чили и Никарагуа, изгнание иранского шаха, афганская война.

Горы сворачивают нагромождения случайностей, которые в итоге становятся объективной и целенаправленной силой. Такими случайностями стали знакомство Ленина с резидентом германской разведки, решение Кастро и Че начать революцию с Кубы, начатая с благими целями антиалкогольная компания, которая привела к краху режим Горбачева, а затем и к развалу державы.

Барский отбросил газету и посмотрел на других посетителей. Ирландский бар изо всех сил пыжился, стараясь производить впечатление кусочка Дублина, но нигде в Ирландии на одном пяточке не смогло бы собраться столько нуворишей, бандитов и проституток одновременно. Там бизнесмены не ходят в бары в кроссовках и спортивных штанах, шлюхи не одеваются в платья от Дживанши, а воры не носят на шеях золотые цепи. Правда, несколько человек сидели в одиночестве, склонившись над кроссвордами или газетами, но большинство стояло группами вдоль стойки бара, обсуждая проблемы спорта, погоду или состояние дел в чужих карманах. Барский поднял свой бокал и мысленно чокнулся с ними.

«Пью за вас, милые мои, за славный народ мой, который не понимает, что сидит на пороховой бочке, – подумал он. – Вас не интересует заявление президента. Вас интересует как сыграет «Спартак» сегодняшний матч с «Реалом». Вас не интересует сегодняшняя встреча премьер-министра с главой МВФ (от чего будет зависеть ваш завтрашний уровень жизни), вас интересует новый роман модной певички, которая и так трахается с кем ни попадя. Вон кто-то рассуждает о том, что через полгода доллар вырастет в тридцать раз, и смеется так, как

будто это не коснется его самого, его жены и детей. Я салютую вам, дорогие сограждане, ибо вы избрали наилучшую модель взаимоотношений с этим четырежды безумным миром – вам глубоко насрать на всё, что в нем происходит!»

Дверь открылась, и он увидел вошедшего.

Ингмар Берзиньш был одет не так безвкусно, как остальные в этом баре, и выглядел совсем иначе. Он стоял в дверях и оглядывался вокруг. На вид ему могло быть от тридцати до пятидесяти лет, и он мог относиться к любой национальности. Типичным было лишь выражение лица, лишенного возраста и национальной принадлежности, оно несло отпечаток цинизма, усталости и, в то же время, сентиментальности, фатализма и полного приятия зла. Это было лицо уроженца Прибалтики.

Они встретились глазами. Берзиньш подошел к его столу.

– Господин Берзиньш?

Барский протянул было ему руку, затем приостановил ее на полпути и указал на кресло напротив. Что-то в глазах этого человека говорило ему, что тот его руки не примет.

– Садитесь, пожалуйста. Что будете пить?

– Что угодно, абсолютно что угодно.

Берзиньш взглянул на стакан и пожал плечами.

– Здесь подают явно разбавленный водой «Гиннес» и разбавленное спиртом виски. Так виски?

– Со льдом. Это вполне подойдет.

Он посмотрел, как Барский пошел к бару, затем вынул из кармана пачку сигарет и закурил.

– Скажите, – проговорил он, когда Барский снова оказался рядом. – Боюсь, я не уловил по телефону вашего имени. Вы служите в посольстве или прямо из Латвии?

– Ни из посольства, ни из Латвии. Меня зовут Валерий Барский, и прибыл я из Москвы. Рядом никого не было, и они могли говорить свободно.

– Из Москвы!? – сигарета отвисла во рту Берзиньша. – Так значит, наши люди...

– Продали ваш секрет нам. Это означает, что нас заинтересовала ваша история и ничего более, хотя мы готовы обсудить все дело. С другой стороны, если то, что вы сказали, окажется правдой, если мы сможем найти того, кто шантажирует Корсовского, если нам удастся получить достаточно сведений, то вашей семье позволят покинуть историческую родину. В этом я даю вам свое слово.

– Ваше слово, – в глазах господина Берзиньша вспыхнула ненависть.

– Мое честное и благородное слово, господин Берзиньш, коим я не привык бросаться. Боюсь, у вас нет иного выбора, как только верить мне. Мы, в конце концов, не звери.

– Вот как, вы не звери? – В его голосе, несомненно, было презрение. – Ах да, вы всего лишь – простые русские лью-уди!

– Да, мы – русские, господин Берзиньш. – Барский отвернулся от застывшего лица и скрипнул зубами. Игра рушилась в самом ее начале. Если Берзиньш не пойдет на контакт, задание можно считать проваленным. – Почему-то в добрых старых семидесятих годах вы не стеснялись сотрудничать с нами и жать нам руки. У нас до сих пор хранятся несколько доносов за вашей подписью. К чему же сейчас такая меркантильность? Я такой же человек, как и вы, и выполняю свою работу. И, если вам это интересно, у меня тоже есть семья. Ну, так как? Будете иметь с нами дело? Если нет, вам следует лишь встать и уйти, я не буду вас останавливать. Но все ваши сослуживцы будут очень разочарованы. И пленка с записью ваших переговоров с латвийским посольством завтра же окажется на столе у главы службы безопасности вашего шефа. А где после этого окажетесь вы, господин Берзиньш?

На его собеседника было жалко смотреть. Нарисованная Валерием картина окончательно доконала его. Он представил себя в руках громил Корсовского, наглую ухмылочку Самана, прищуренный глаз Трофима и окончательно струхнул.

– Простите, но я ничего такого не имел в виду. Я... я все это делал ради своей семьи...

– Как я уже говорил, вопросом возвращения вашей семьи наше ведомство займется вплотную. И нам ваши гэбэшники не смогут отказать. И сказать вам почему? – Барский засмеялся и позволил себе слегка расслабиться. – Да потому что все мы – одна шайка-лейка, учились за одной партой, списывали друг у друга конспекты и прикрывали друг дружку во время самоходов. По-вашему, мой друг и собутыльник Йонас, с которым мы во время учебы в Вышке вылавливали внештатных шалав в «Интуристе» и имели их на соседних койках в служебном номере, откажет мне в просьбе сделать выездные визы вашим папе с мамой, или там жене с детьми? Да никогда! Существует такое всемирное братство разведчиков... Мы работаем на разные ведомства, но тем не менее сохраняем уважение друг к другу. Без взаимопомощи мы – никто. Ну так вы согласны?

– Я согласен. – Берзиньш полез в карман и достал клочок бумаги. – Вот интернетовский адрес, через который велась прошлая передача, его предложил шантажист для связи. Это, конечно, не Бог весть что, но с помощью вашей огромной организации... – он едва шептал, – ...вы вполне сможете выследить его.

– Благодарю.

Барский лишь раз глянул на номер и сразу запомнил, затем поджег обрывок зажигалкой и положил его в пепельницу. Как бы в задумчивости он раздавил в пепельнице окурочек и растер остаток пепла в порошок.

– Да, я думаю, это будет не трудно. Однако скажите мне еще вот что. Как вы думаете, знает ли этот адрес Корсовский?

– Конечно же нет, – замахал руками Берзиньш. – И то, что вы об этом спрашиваете, доказывает, что вы слишком мало о нем знаете. Это – четвертое послание, пришедшее в офис, и Корсовский его не видел, а в трех других ничего не определялось. Я в этом совершенно уверен, так как иначе это сообщение не было бы послано. Пославший их был бы уже мертв.

– Вы хотите сказать...

– Я хочу сказать, что Корсовский убил бы его или добился бы, чтобы его убили. Да, он попытался бы именно убить его. Я видел, какое действие эти письма на него оказывали. Если бы он смог добраться до того, кто их посылал, он убил бы его, испытывая не больше угрызений совести, чем я, убивая крысу.

– А теперь расскажите мне все, что вы знаете об Игоре Корсовском. Вообще все, как вы познакомились, кто вас ввел в его окружение, как достигли своего поста и прочие мелочи.

Ингмар слушал его, откинувшись на спинку стула, а когда Барский закончил, он поднял свой бокал и в первый раз выпил.

– Понятно. И вы хотите сказать, что всего этого не знаете? В таком случае мне остается только гадать, с кем же я вообще имею дело. Да, я действительно оказался на крючке у ГБ в весьма нежном возрасте. Сказать из-за чего? Из-за анекдота про то, как Брежнев «расширяли грудь». И я действительно вынужден был стучать на своих друзей. Но когда я приехал в Москву на ПМЖ, то помогли мне здесь именно связи в ФСБ. Благодаря полковнику Пиотровскому я познакомился с Трубенковым, затем с Корсовским. Если вы не знаете всего этого, то что же за ведомство вы представляете?

– Друг мой, ведомство наше весьма обширно, – терпеливо объяснил ему Барский, – и в то время как одни его сотрудники могут вас поить водкой и сватать на теплое место, другие не преминут взять вас в разработку и установить слежку.

Ингмар передернул плечами.

– В конце концов, это ваше дело. По законам Паркинсона любая бюрократия пожирает в итоге самоё себя. Вы знаете теперешнее положение моего шефа, его влияние на экономику страны, комиссии и комитеты, которые он возглавляет. Их великое множество... Да, мой шеф участвует во множестве подобных организаций, он очень влиятельный человек в кремлевской иерархии. Я думаю, ему очень нужно это влияние. Он жаждет его, как другие жаждут выпивки, наркотиков или власти. У него же навязчивое стремление другое – убеждать людей в своей правоте. Возьмите хотя бы эту конференцию в Вашингтоне: премьер-министр следует каждому его совету, и Корсовскому это очень нравится. В конце концов дело доходит до анекдота: американский президент демонстрирует нашему премьеру красоты «Метрополитен-музея» в то время как его министр финансов обсуждает с Корсовским размеры и очередность траншей огромного кредита.

– Понимаю. Некий своеобразный вид власти над чужими умами.

Слушая, Барский припомнил собственные слова, которые он говорил, рассматривая фотографию в кабинете Кравцова: «Он привык к власти, но власть передается через людей, а не проявляется над ними».

– Да, власть, но лишь в каком-то смысле. Я думаю, что, собственно, ему нужны похвала и одобрение. Он нуждается в том, чтобы его считали надежным. Я у него чуть меньше года, но почувствовал это в первый же день. Я почти слышал его мысли: «Вот бедный беженец из Прибалтики. Я облагодетельствовал его, дав ему работу. Поэтому он будет служить мне верой и правдой, чувствуя себя всем обязанным мне».

– Хм, одобрение?

Барский вдруг почувствовал себя спокойно и почти комфортно, так как наконец началась работа, которая ему нравилась. Он чувствовал себя уже не вражеским агентом на чужой территории, а обычным следователем, допрашивающим свидетеля.

– Странно. Ведь он считается ученым, крупным экономистом, а это, как правило, самые независимые люди на свете. И все же Игорь Корсовский жаждет чужого влияния и одобрения. Вы пришли к какому-нибудь выводу, господин Берзиньш?

– Полагаю, что да.

Берзиньш нахмурился, и Барский понял, что характер Корсовского восхищал его.

– Я полагаю, что под всей этой внешней благополучностью Корсовский очень неуверен в себе и, возможно, напуган. Мне кажется, что только удерживая свое влияние на людей и получая их одобрение, он обретает нужную ему безопасность. Все эти комитеты, где он заседает, и доклады, которые он сочиняет, усиливают его уверенность в себе, как у богача, который работает по двенадцать часов в сутки, так как боится бедности. Каждая акция в банке, каждая нефтяная скважина, которой он владеет, словно барьеры, ограждающие его от этого наваждения нищеты, которой, возможно, он так никогда не испытает. Вот почему я сказал, что Корсовский убил бы автора этого письма, господин Барский. Я видел его лицо, когда он открыл первое письмо, и это было лицо убийцы. Его безопасность под угрозой, а это – главное в его жизни.

– Это не может быть угрозами со стороны какой-нибудь преступной группировки?

Берзиньш небрежно махнул рукой.

– Бандиты служат ему верой и правдой. Никогда преступные авторитеты не чувствовали себя настолько в безопасности, как сейчас, при нем. В конце концов, этот человек почти что узаконил мафию. Да Забота за него казнит любого авторитета, каким бы трижды коронованным он ни был.

– Забота? Это не главарь ли муромовской группировки?

– Он же главарь всего преступного мира России. Но даже они с ног сбились, разыскивая этого неведомого шантажиста.

– И что же, как вы думаете, так напугало Корсовского?

Голос Барского-следователя не выражал ничего, кроме вежливого любопытства.

– Понятия не имею, но это нечто конкретное. Мне кажется, что когда-то Корсовский сделал или его заставили сделать нечто, о чем он никогда не сможет забыть. Он хочет отгородиться от этого работой, одобрением важных персон, но оно все время где-то на задворках его сознания. Затем однажды он глядит в монитор своего компьютера, и наваждение всплывает на свет.

– Понимаю.

На минуту Барский сосредоточился. Человек до смерти напуган. Человек влиятельный и окруженный могущественными друзьями, заседающий в комиссиях и управляющий финансами страны, а значит и самой страной. Он боится, что нечто страшное всплывет наружу.

«Что же могло вызвать у него такой страх? – думал Барский. Воображаемый детский ужас, невроз, начавшийся очень давно? Нет, это, очевидно, было бы медицинской проблемой и здесь явно неуместно. Эти письма говорят о том, что страх реален. Угроза насилия или наказание за неосмотрительность в прошлом? Нет, ничего подобного, ибо человек, подобный Корсовскому, знал бы, как справиться с подобными угрозами». Барский вспомнил отчет стилистов: «Написано очень старым человеком с психическими отклонениями».

Но «в прошлом» – это, вероятно, верно. Что-то произошло очень давно, когда Корсовский был мальчишкой или молодым человеком. Нечто, до сих пор приводящее его в ужас: «Цыганка, которая тебя погубит».

Да, Цыганка. Возможно, это относится вовсе не к человеку, а к какой-то вещи... Что еще? Нечто, случившееся много лет назад, все еще настолько серьезно, что может заставить влиятельного вице-премьера плакать и кричать в ужасе, скелет в шкафу, мертвец в сундуке, нечто, замурованное в подвале, что никогда не должно увидеть свет.

– Как я понял, – продолжал Барский, – существует всего четыре послания и, поскольку последнего он не видел, других больше не появится. И как Корсовский теперь?

– Внешне он вернулся к норме, но только внешне. Но внутри, могу вас уверить, он совершенно больной человек.

Берзиньш поднял лежащую на столе газету.

– Взгляните сами. Это сделано вчера.

– Благодарю.

Барский взял газету, которую Берзиньш открыл на финансовой странице. Над рыночными ценами были заголовки: «Уолл-стрит ждет ответа из Кремля», а под заголовками – то же лицо, что он видел в кабинете Кравцова, но теперь Корсовский выглядел совершенно иначе. Худое академическое лицо казалось еще более осунувшимися, и в глазах не было улыбки. Он все еще выглядел могучим и сильным, но теперь это была мощь в обороне: лицо Паулюса после Сталинграда.

– Да, я вижу, но скажите, что вы знаете о личной жизни Корсовского? Есть ли у него семья, например, или любовница?

– Я думаю, любому известно, что он гомосексуалист, хотя лично у меня связи с ним нет, – сказал Берзиньш, слегка покраснев. – Однако в целях соблюдения норм приличия у него имеется официальная жена, я ее однажды видел.

Берзиньш немного выждал, словно это воспоминание было важным, закурил и продолжал:

– Это случилось нынешней зимой. У меня была пара срочных бумаг для подписи Корсовскому, и мне пришлось в одну из суббот отвезти их к нему домой... Да, именно так. Вероятно, это было в конце февраля, как раз после того, как он меня нанял. У него особняк на Рублевке. Очень хорошо помню эту поездку. Плоская равнина, леса, убегающие прямо за горизонт, и повсюду эти элитные кирпичные домики с башенками, как корабли, уплывающие вдаль. Я добрался до ближайшей деревушки уже в сумерках. Это место называется Первишино-7. Несколько избушек в стиле «модерн» вокруг бревенчатой церквушки под Кижи да кафе-стек-

ляшка. Словом, натуральная потемкинская деревня. Там все такие, чтобы взгляды из правительственных кортежей не оскорблялись зрелищем русской глубинки. Я остановился выпить и спросить дорогу. Помню, было очень холодно, и из пустых полей поднимался туман. В стекляшке мне указали путь, и я доехал до его дома. Дом был в четырех километрах от деревушки, надо около указателя свернуть на лесную дорогу. С первого взгляда он выглядел совершенно не таким, каким я ожидал его найти. Сейчас же среди нуворишей принято строить этакie рыцарские замки: высокие, красного кирпича, со шпилями, башенками, я думаю, этот стиль они называют «новорусским». Здесь же высилась просто огромная изба, кирпичный ангар, совершенно безвкусный, правда со всей атрибутикой нынешнего купечества – пластиковыми стеклопакетами, крышей из металлочерепицы, американскими поднимающимися воротами, телекамерами и фотоэлементами. В сумерках он выглядел гротескно. Но на самом деле мне он показался странным. Корсовский – богатый человек, среди прочего председатель Комиссии по культурному наследию, и все же дом был в ужасном состоянии, в углу высилась горка набросанного кирпича, где-то еще – строительный мусор, доски, водосточные трубы болтались, ни одной клумбы во дворе, ни кустика, лишь несколько деревьев. Такое впечатление, что в дом вселились, даже не подумав его благоустроить. Как бы то ни было, я подошел к новомодной двери (из салона шведской мебели) и позвонил. Открывшая мне тетка оказалась столь же нелепой, как и сам дом. Это была пожилая женщина, можно даже сказать, старуха в длинном платье и ветхом, неделями не стиранном фартуке, сгорбленная и, я бы сказал... – он подыскивал слово, – покореженная.

– Вы хотите сказать покалеченная?

– Я хотел сказать «скрюченная какой-то болезнью», может быть ревматизмом. Калека и, как я говорил, очень старая и грязная. Она как-то не очень подходила дому главы правительства. Конечно, дом 24 часа в сутки охраняли, а это была домработница. Она впустила меня и велела подождать в вестибюле. Говорила она как параноик, язык у нее явно заплетался. Холл был простенький, совершенно серый: дешевый паркет, по стенам – ковры, да, пять или шесть ковров, кстати, неплохих, с развешанным на них оружием, всякими там шашками и чеченскими кинжалами. Но были и современные пистолет-пулеметы и автоматы. На полу полинявший коричневый ковер и уродливая румынская мебель, á la Луи XIV, которую покупают лишь от недостатка ума и избытка денег. Вы понимаете? Я ждал узреть полотна Тициана, статуэтки Челлини, античные геммы... На худой конец – подлинные рыцарские доспехи. А оказался в жилище разбогатевшего зеленщика. Хотя тут жил человек, который в любой момент мог подписать чек на миллион баксов. Ведь западные банкиры только под его честное слово выдали нам весенний кредит в пять миллиардов долларов. И знаете почему выдали? – голос Берзиньша моментально упал до шепота.

Барский уставился на него немигающим взглядом.

– Потому что им отлично известно, что личное состояние Корсовского, – продолжал шептать Берзиньш, – достигает по меньшей мере четырех миллиардов долларов и целиком находится на Западе. Давая деньги под его слово, Запад ничем не рискует, поскольку в случае его банкротства господа-капиталисты смогут в любой момент наложить арест на его имущество и забрать назад свои денежки.

– Понимаю. Вы меня заинтриговали. И вы познакомились с его женой?

– Нет, не совсем, хотя я ее видел. Корсовский вышел и подписал бумаги. Он сделал это очень поспешно и, хотя они были важными, у меня осталось впечатление, что он был недоволен тем, что я привез их. Хотя он сам сказал мне, чтобы я их привез. Затем, уже уходя, я взглянул вверх и увидел женщину, стоявшую на верху лестницы. Думаю, это была его жена, поскольку, когда она позвала его и спросила, как долго он задержится, она обращалась к нему «дорогой»... Да, это была его жена и, как и дом, и служанка, она тоже казалась тут неуместной: женщина не первой молодости, вероятно, лет под пятьдесят, но очень молодящаяся, лицо, густо намазанное

косметикой, примерно как у вокзальной проститутки, с крашенными перекисью почти белыми волосами и в мини-юбке, годной разве что пятнадцатилетке. Впрочем, своей дочери я бы такую надеть не позволил. Картину довершали черные сетчатые чулки. Чулки очень короткие, были видны резинки, тянущиеся к поясу. Когда она подошла поближе, я увидел лицо поблекшей потаскухи: мертвенно-белое, с пятнами грима, как сургучные печати на конверте.

– Но вы не говорили с ней?

– Нет, я поздоровался, конечно. Корсовский был недоволен ее появлением, он моментально меня оттеснил от нее и дал мне понять что мне пора идти. Я больше ни разу не был в этом доме. У него есть квартира на Ордынке и большую часть свободного времени он проводит в ней. – Берзиньш допил свой бокал и загасил сигарету. – Вот и все, что я могу сказать о его личной жизни. У него, по-видимому, нет пороков и весьма мало интересов вне работы.

– А гомосексуальные связи?

– Вы считаете это пороком? Имея подобное чудовище в роли жены, трудно проникнуться нежными чувствами к женскому полу. Сразу становится ясно, что с ним станет после двадцати лет интенсивного использования. А ведь этот человек работает по двадцати часов в сутки, спасая эту несчастную страну...

У Барского возникло желание продолжить эту фразу словами «которую он сам же и разорил», но он подавил ее в себе. В конце концов, не его было время откровенничать.

– У шефа иногда появляются сексуальные фантазии, и тогда он находит себя дружка в гей-клубе на Остоженке, они проводят вместе ночь и расстаются навсегда.

– А как относятся к этому его дружки-мафиози? Ведь по их «понятиям» гомосексуализм – это позорно.

Берзиньш позволил себе усмехнуться.

– Уважаемый господин гэбист, учитывая, какое место занимает Корсовский в блатной иерархии, он мог бы себе позволить есть на обед маленьких детей, ему бы и тогда никто из воров в законе слова против не сказал. Столько делая в интересах мафии, он в ее глазах небесное существо без страха и упрека.

– Возможно, это действительно так. Тем не менее, в свое время он должен был иметь один очень постыдный порок или одну пагубную страсть, это несомненно. У него есть постоянный партнер или друг?

– Друзья у таких людей... Впрочем, он при мне несколько раз звонил в салон этого модного светила Викентия Солержицкого.

– Парикмахера?

– Сейчас их называют «стилистами». Звонил и договаривался на вечер поужинать или встретиться на какой-нибудь презентации. Судя по интонациям они довольно близки. Кажется, сегодня вечером они также встречаются.

В оттенке его голоса Барский неожиданно для себя уловил нотки ревности.

– Кстати, за что вы его недолюбливаете, господин Берзиньш?

– Как вам сказать... Все-таки он многое для меня сделал, взял на работу... Впрочем, да, я его недолюбливаю. Не могу сказать, почему. Во многих отношениях он хороший босс, но иногда в нем появляется некая холодность, которая заставляет чувствовать, что ты для него вовсе и не человек. Будь иначе, не думаю, что мы бы с вами сейчас разговаривали. Даже ради моей семьи я бы вряд ли пошел на это.

– Ой ли, господин Берзиньш? Но, тем не менее, вы разговариваете со мной, и разрешите мне сказать чисто ирландский тост? – И не спрашивая, хочет ли он еще выпить, Барский встал и вновь наполнил бокалы. – Давайте выпьем за то, – проговорил он, – чтобы вы соединились с женой и детьми.

– Ирландцы не говорят тостов в барах и не чокаются виски, – сказал Берзиныш. – Но за это я с удовольствием выпью. – Он поднял свой стакан, и лицо его вдруг озарила надежда. – Значит, вы мне поверили? Их отпустят ко мне?

– Боюсь, что пока – нет. Это значит лишь, что я склонен вам верить, потому что не считаю, что вы сами смогли бы придумать столь неправдоподобную историю. Если вы сказали правду и автор письма действительно существует, то ваша семья прилетит в Москву с первым же самолетом. Они готовы и ждут. Мое ведомство уже договорилось с латвийской охранкой. Вашу семью держат под домашним арестом с упакованными чемоданами. Да, если все пойдет хорошо, – добавил он, – вы очень скоро их увидите. Если же, с другой стороны, вы нас обманули, то боюсь, им придется долго оставаться под арестом. – Он встал. – Ну а пока – до свидания, господин Берзиныш. И не беспокойтесь. Я буду держать вас в курсе событий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.